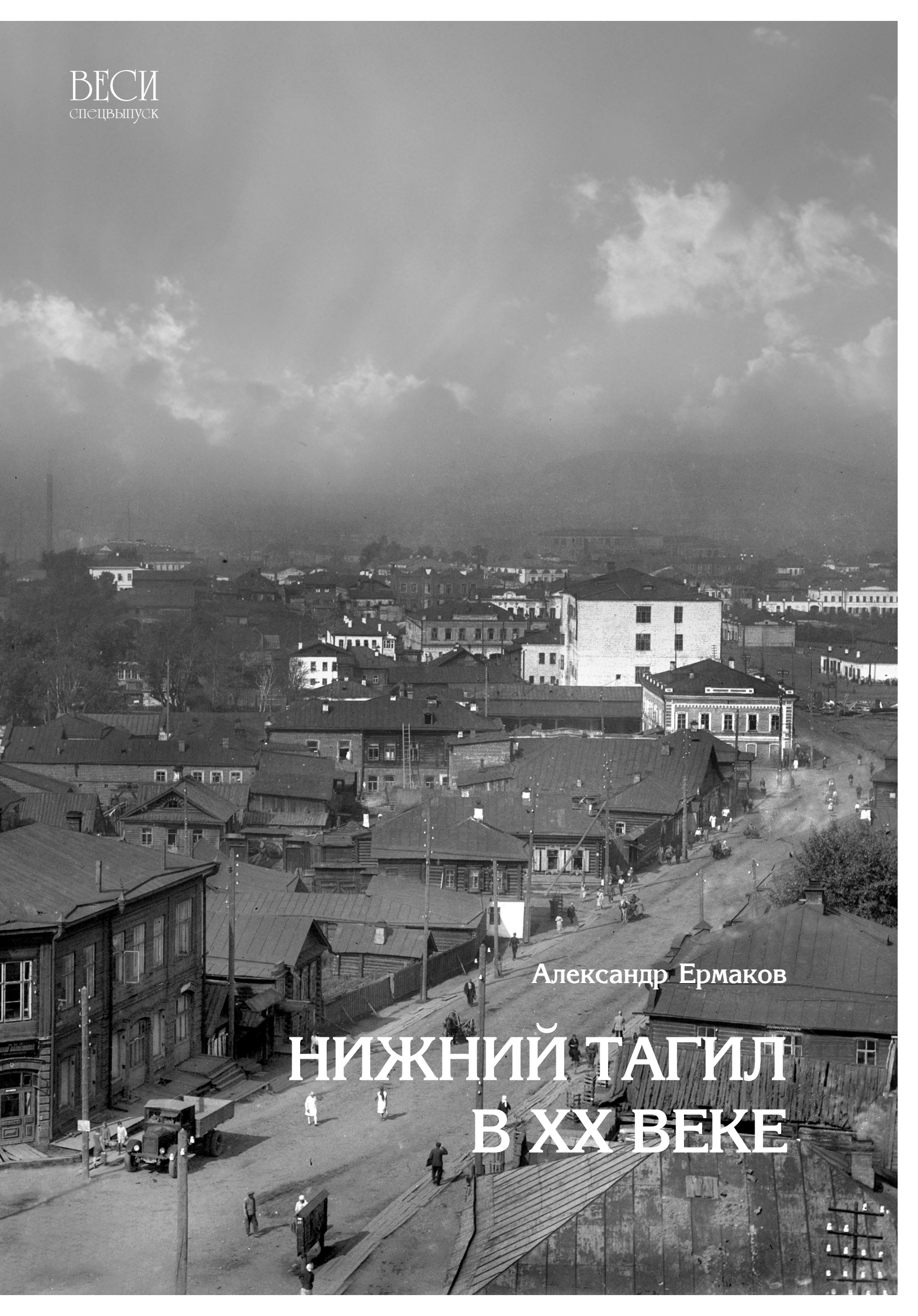

ВЕСИ
СПЕЦВЫПУСК

Александр Ермаков

НИЖНИЙ ТАГИЛ
В XX ВЕКЕ

ВЕСИ

№6, 2012 (82)
спецвыпуск
август

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПРИЛОЖЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

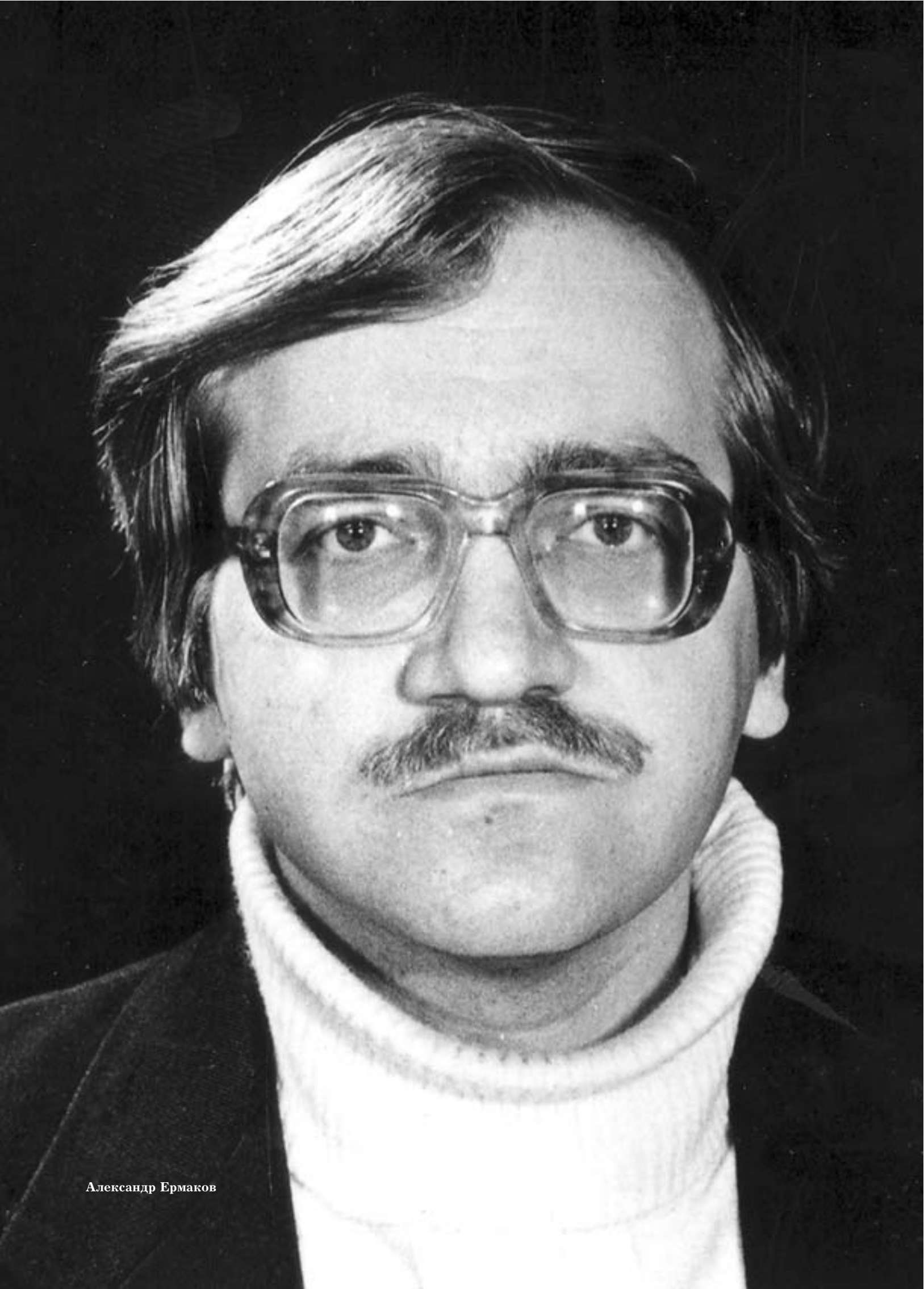
К читателям (А.Сушков, Е.Ставцев, С.Разенков) ..... 3(99)

Александр Ермаков

«Белый» Тагил ..... 4(100)

Материально-бытовое положение тагильчан
в первые десятилетия советской власти ..... 11(107)

Обеспечение тагильчан продовольствием
в годы Великой Отечественной войны ..... 22(118)

Александр Ермаков

К ЧИТАТЕЛЯМ

В приложении к спецвыпуску журнала «Веси» публикуются работы известного тагильского историка, кандидата исторических наук доцента Александра Владиславовича Ермакова. Представитель новосибирской научной школы, человек энциклопедических знаний, широкой научной эрудиции, он был не только известным специалистом по отечественной истории XX века и истории советского Урала, но и обладал редкой скромностью и доброжелательностью к людям.

Александр Владиславович – коренной тагильчанин, родился 30 августа 1957 г. в семье служащих. По окончании средней школы в 1975 г. поступил на гуманитарный факультет престижного Новосибирского государственного университета. В 1980 г., получив диплом с отличием по специальности «преподаватель истории со знанием иностранного языка», Александр Ермаков поступил в очную аспирантуру Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР (г. Новосибирск). Сферой научных интересов молодого учёного стало кадровое обеспечение электрификации Сибири в послевоенные десятилетия. За период обучения в аспирантуре он подготовил и в 1985 г. защитил диссертацию по теме: «Формирование кадров строителей гидроэлектростанций Енисейского каскада (1955–1980 гг.)».

С 1984 г. трудовая деятельность А.В.Ермакова была неразрывно связана с Нижнетагильским государственным педагогическим институтом (социально-педагогической академией). Сюда он пришёл работать ассистентом на кафедру истории СССР. В 1987 г. был утверждён в должности старшего преподавателя, в 1991-м стал доцентом кафедры, которая вскоре была переименована в кафедру Отечественной истории. Одновременно в 1991–1996 гг. Александр Владиславович исполнял обязанности заместителя декана исторического факультета по учебной работе. В октябре 2006 г. приказом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки ему было присвоено учёное звание доцента.

На историческом факультете Александр Владиславович вёл лекционные и практические занятия по истории СССР, истории Урала в XX веке, спецкурс по истории внешней политики России. Простым, доступным языком Александр Владиславович умел донести до студентов сложные общественно-политические и социально-экономические процессы, обладал редким умением увлечь студентов своим предметом независимо от их исследовательских пристрастий. Не будет преувеличением сказать, что А.В.Ермаков был лучшим лектором на факультете и одним из лучших лекторов педагогического института.

Много сил и личного времени Александр Владиславович посвящал руководству курсовыми и дипломными работами, которое выходило далеко за рамки формальных требований к руководству студенческими научными исследованиями. Совместно с каждым студентом он «проживал» все этапы подготовки этих работ, щедро делился литературой из богатой личной библиотеки. Никогда не отказывал в консультациях аспирантам, закреплённым за другими, более титулованными научными руководителями.

А.В.Ермаков зарекомендовал себя не только великолепным преподавателем, но и внимательным, вдумчивым, эрудированным историком-исследователем. Большинство его работ, опубликованных в ряде научных сборников и коллективных монографий, посвящены истории Урала в советский период. В сферу его научных интересов входили история индустриализации Урала, его электрификация.

К великому сожалению, Александр Владиславович не успел в полной мере реализовать свой огромный научный потенциал. Едва отметив пятидесятилетний юбилей, в октябре 2007 г. из-за тяжёлой болезни он ушёл из жизни.

Вниманию читателей предлагается ряд статей Александра Владиславовича Ермакова, которые посвящены истории Нижнего Тагила в XX веке. В них рассмотрены сложные социально-экономические процессы и повседневная жизнь горожан. Эти работы, хотя их не так много, позволяют говорить об А.В.Ермакове как крупнейшем специалисте по истории советского Тагила. Надеемся, что представленные статьи вызовут не только интерес у читателей журнала «Веси», но и будут способствовать продолжению научного поиска, начатого замечательным учёным-историком.

*Андрей Сушков
Евгений Ставцев
Сергей Разинков*

«БЕЛЫЙ» ТАГИЛ

История «белого» Тагила начинается почти сразу после установления в посёлке советской власти в конце декабря 1917 г. Уже первые шаги большевиков вызвали сильнейшее недовольство значительной части населения. В середине января 1918 г. по Нижнему Тагилу прокатились беспорядки, вызванные нехваткой продовольствия, закончившиеся расстрелом толпы у здания местного совета. В конце того же месяца в посёлке произошли волнения верующих, связанные с насильственным осуществлением большевиками декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Национализация Нижнетагильского горнозаводского округа привела к прогрессирующему параличу производства. Немалое число состоятельных тагильчан было озлоблено чрезвычайными контрибуциями (изъятиями денежных средств и ценностей), национализацией торговых и кустарно-промышленных предприятий, частных банков и части домовладений¹.

После восстания чехословацкого корпуса в конце мая 1918 г. положение советской власти на Среднем Урале стало крайне неустойчивым. 13 июня отряд

невьянских повстанцев численностью 70 человек предпринял попытку свергнуть советскую власть в Нижнем Тагиле. Это было первое вооружённое противостояние белых и красных в посёлке. В окрестностях посёлка действовало белое партизанское движение. Частью антибольшевистских сил стал отряд агронома Павловского, состоявший преимущественно из бывших офицеров и тагильских обывателей, включая рабочих, дезертировавших из Красной армии. В борьбе с большевизмом объединились люди разных убеждений: меньшевики, эсеры, монархисты. Только после длительных усилий и ценой немалых потерь большевикам удалось уничтожить отряд. Павловский был схвачен и расстрелян². Другой «партизанский летучий отряд Народной армии» под командованием поручика Емлина долгое время действовал в районе тагильских платиновых приисков. Осенью 1918 г., в момент отступления красных из города, этот отряд занял прииски. Правда, храбрый поручик не смог удержаться от того, чтобы не присвоить имеющуюся на приисках платину. Попытки инженера приисков И.Д.Репина уже в «белом» Тагиле вернуть «военный трофей» предприятия не привели ни к чему. Емлин отказался что-либо возвращать и пригрозил докучливому искателю правды «разобраться с ним по законам военного времени»³.

В конце июля 1918 г. наступающие части белых войск подошли к Нижнему Тагилу. После упорных боёв, детально описанных в краеведческой литературе, красные части оставили посёлок. Исход сражения решил искусный манёвр белого командования. Большевик И.Р.Носов позднее вспоминал: «Тогда неприятель пошёл в обход. Часть своих сил он направил от Невьянска к Горбуново, к южной стороне города. От этой части отделились ещё отряды, которые пробрались в лесах через гору Керкину на Моховую и к Висимскому тракту. И эти в свою очередь выделили ещё небольшую группу, обошедшую нас с запада через речку Каменку и Тонскую гору, на Черемшанскую дорогу... Сдать Тагил нас заставили исключительно обходные движения белых»⁴. В тыл к красным белогвардейцев провели тагильские рабочие Иван Нехорошков, Николай Федюнин и Семён Котов⁵.

Похороны тагильского рабочего-красногвардейца
Ф.Н.Васильева, погибшего в бою с отрядом
Павловского. Сентябрь 1918 г.

Опасаясь полного окружения, командование Красной армии отдало приказ об отступлении. Красным пришлось оставить большую часть военного имущества, чтобы спасти живую силу. Но отступить удалось не всем. Части 4-го Уральского полка, оборонявшие станцию Нижний Тагил, пытались выйти на Лайский тракт через Красный Камень, но попали под кинжальный пулемётный огонь. Большая часть полка погибла⁶. Значительные потери понесли и другие красные части. Спустя полгода после кровавых боёв, в апреле 1919 г. в лесах под Тагилом находили оттаявшие трупы красноармейцев, бомбы, ручные сумки, патроны, штывки⁷.

Ещё в августе началась эвакуация оборудования Нижнетагильского металлургического завода. До сдачи города белым большевики вывезли все заводские ценности, включая денежную кассу завода, продукцию цеха рельсовых скреплений (накладки, прокладки, костыли и др.), листовое железо, красную медь, электрооборудование. Обсуждался вопрос о взрыве заводской плотины и затоплении завода, но к счастью этот план не был реализован⁸.

4 октября в 12 часов дня Нижний Тагил фактически перешёл в руки белых. 5 октября под колокольный звон тагильских церквей состоялся торжественный парад победителей. Их встречали хлебом-солью и крестным ходом местных жителей, пением священнослужителей «Христос воскрес». Собрания граждан Нижнего Тагила, его общественные и культурные организации принимали приветственные «адреса» в честь Уфимской дирекции (Всероссийского временного правительства) и «братьев чехословаков». Часть тагильчан записывалась в Белую армию добровольцами⁹.

В занятых белыми населённых пунктах создавались комендатуры. Вначале помощником коменданта городов Нижнего Тагила и Невьянска, а затем и комендантом Нижнего Тагила стал поручик 8-го Чехословацкого полка Штичка. С начала января 1919 г. его сменил подпоручик 25-го Екатеринбургского полка Василий Михайлович Зотов. Адъютантом Зотова стал прапорщик Иван Фёдорович Кларк. С апреля 1919 г. Кларк начал выполнять функции исполняющего обязанности коменданта.

Нижнетагильская комендатура состояла из полутора десятков человек. В их число входили комендант, его адъютант, офицер для поручений, делопроизводитель и писари, военный цензор, машинистки, телефонистки и пр. Должность делопроизводителя в апреле 1919 г. исполнял чиновник военного времени Алексей Васильевич Сорокин, писарей – солдат 48-го полка Иван Руквишиников и доброволец Владимир Пономарёв, рабочих – военнопленные австрийцы Рихард Винче и Иван Графф. При комендатуре действовала

Дом А.И.Треухова по улице Шамина (ныне К.Маркса, 21), где в августе-сентябре 1918 г. располагалась большевистская ЧК, позже – военно-следственная комиссия Белой армии.

Нижнетагильская добровольческая дружина¹⁰. Деятельность этого отряда так описывалась Григорием Быковым: «Мне часто доводилось подолгу просиживать в коридоре, ожидая выхода коменданта. Сидишь, потихоньку смотришь, видишь страшные вещи. Дружинники вдруг начнут торопиться, бегать книзу, в подвал. Оттуда доносятся стоны, крик, рёв. Потом оттуда проводят по коридору рабочего в промасленной блузе, руки связанные. Дружинники смеются: «Его благородие подбавит ещё тебе!»... Двери подвала отворялись во двор. Из подвала выводили рабочих, мужчин и женщин, избитых, заплаканных, затуманенных, и вели их, зачем – не знаю, к «его благородию». У двери валялись окровавленные поленья»¹¹.

Уездному коменданту в порядке надзора подчинялись военно-следственные комиссии, созданные для расследования деятельности большевиков, явлений красного террора. Одна из таких комиссий располагалась в Нижнем Тагиле в здании бывшего банка по улице Шамина (ныне ул. К.Маркса, 21), где ранее находилась большевистская ЧК. В подвалах этого здания и напротив него проводились пытки и расстрелы. Недалеко располагалась Нижнетагильская тюрьма (за гостиницей «Северный Урал»), в застенках которой сидели тагильчане и жители окрестных посёлков, заподозренные в причастности к большевизму. В конце 1918 – начале 1919 г. в её стенах содержалось обычно 200–300 арестованных¹².

Попавшая внутрь стен белой контрразведки нам помогут воспоминания члена РКП(б) Федосьи Викторовны Борисовой. Её муж, известный тагильский большевик, умер ещё до начала Первой мировой войны. Мать шестерых детей, она не смогла уйти с крас-

ными и осталась в «белом» Тагиле. За ней пришли «день на пятый», причём выдал её собственный троюродный брат И.Н.Нехорошков. После тщательного обыска (который, правда, не дал результатов) её привели в канцелярию на Большой Рудянской улице. Допрос вёл офицер, криком и угрозами заставляя её признать свою принадлежность к большевистской партии. Ничего не добившись, он отправил «такую гадину» в карательный отдел. Там на Борисову вновь «кричали и топали ногами». Допросы длились несколько суток. В перерывах Борисова проводила время в одиночной камере. Один раз её подвергли жестокому избиению нагайками, от которого она потеряла сознание и «рубцы до сих пор [Федосья Викторовна вспоминала это в начале 1930-х гг.] на теле остались». Упорство Борисовой и отсутствие у контрразведки явных доказательств её причастности к большевикам завели следствие в тупик. И тут в дело вмешались сердобольные соседи. «Буржуй, купец торговый» Александр Ефимович Серебряков посоветовал старшей дочери арестованной найти трёх свидетелей, которые подтвердили бы её непричастность к большевикам. Такие скоро нашлись. Это были врач Нардов и больничный кассир Николай Маркелович Коровин (Борисова работала в этой кассе «сторожикой»). Третьей свидетельницей стала домовладелица Екатерина Ивановна Мотылёва. Трудно представить себе, чтобы эти люди не знали об истинном политическом лице Борисовой. Однако они поставили на карту своё будущее, а может быть, и жизнь, дав нужные показания. Соседские связи оказались сильнее классовых антипатий. Борисову выпустили. Вплоть до конца белой власти в Тагиле её посто-

яно преследовали (уволнили с работы, постоянно устраивали обыски, конфисковали часть имущества), но она осталась в живых¹³.

Конечно, Борисовой просто повезло. По официальным советским данным в Нижнетагильском и Надеждинском районах от рук колчаковцев пострадало свыше 10 тыс. человек. Среди расстрелянных в Нижнем Тагиле были комиссар народного просвещения Н.В. Попов, 15-летний рабочий депо А.К. Паклин, красноармейцы Н.И. Коновалов, В.И. Ефременков, С.В. Климцев и многие другие. Ожесточение против красных было столь велико, что не щадили даже мёртвых. После занятия Тагила белыми могила красноармейцев, захороненных в центре посёлка, была раскопана и их останки вывезены на кладбище за Петровской горой. Памятник «Павшим борцам за свободу» был разрушен, а находившаяся рядом с ним могила первого большевистского председателя Нижнетагильского совета Д. Добрынина осквернена. Порой террор перехлёстывал все разумные пределы. Так, специальное расследование белой комендатуры показало, что в деле 80 тагильчан, расстрелянных по подозрению в принадлежности к красным, не содержалось никаких реальных доказательств. Членов следственной комиссии мягко пожурили за «переусердствование»¹⁴.

В то же время белые, безжалостно расправляясь с политическими противниками, семьи их нередко щадили. Приводя факты зверств белогвардейцев над своей семьей, оставшейся в Тагиле, член Делового совета Нижнетагильского завода, видный коммунист Е. Гаёв не смог припомнить ничего страшнее обысков, приказаний его беременной жене мыть полы в арестном помещении и конфискации купленной им сыну гармони. После расстрела комиссара просвещения Николая Попова его родной брат Вячеслав ходатайствовал перед комендантом Нижнего Тагила о возвращении вещей и имущества семье расстрелянного, поскольку она осталась совершенно без средств к существованию¹⁵.

Строжайший контроль был установлен белой комендатурой за настроениями населения. Поощрялась деятельность широкого слоя информаторов, которые сообщали властям о подозрительных и неблагонадёжных, следили за оставшимися в посёлке семьями коммунистов и их сторонников. В материалах белой комендатуры Нижнего Тагила имеется немало сведений о вале доносов, многие из которых были сведением личных счётов. Кроме того белые власти развернули широкую кампанию борьбы с дезертирством. Немало насильно мобилизованных в Белую армию скрывалось из своих частей. Обычно в таком случае посылался соответствующий запрос по месту призыва, и поиски беглецов начинала контрразведка. Для более эф-

фективного контроля ситуации для проезда по железной дороге и на лошадях вне населённых пунктов все тагильчане в возрасте от 18 до 35 лет должны были предъявлять специальные пропуска. Они выдавались уездной или городской милицией только лицам, не подлежащим призыву¹⁶.

Проведение митингов и демонстраций в честь праздника Первого Мая, равно как и вывешивание красных флагов, каралось военным судом. В этот день рабочим разрешалось лишь не работать. Строгий контроль вводился за оружием. Хранение револьвера без разрешения властей влекло за собой его конфискацию и заключение в тюрьму на два месяца. Только благонадёжным гражданам разрешалось его приобретение и хранение¹⁷.

Жизнь «белого» Тагила, разумеется, не ограничивалась деятельностью

Н.В. Попов – первый комиссар просвещения Нижнего Тагила.

карательных структур. Горожане могли увидеть представителей белой администрации и союзников. В феврале 1919 г. Тагил торжественно встречал Верховного правителя России адмирала Александра Васильевича Колчака, проследовавшего через железнодорожную станцию, в апреле 1919 г. публичные лекции в городе читал «член британского парламента генерал Нокс»¹⁸.

Гражданскими делами в городе ведало восстановленное вместо ликвидированного совета Нижнетагильское волостное земство. Его председателем стал Кузьма Осипович Рудый. Земские органы действовали под жёстким контролем военных комендантов Нижнетагильского завода и Верхотурского уезда. Так, их разрешение требовалось даже на проведение собрания земства¹⁹.

Важным направлением работы земских органов была помощь Белой

армии. В этом земские и военные структуры могли широко опираться на общественную инициативу. Основными направлениями этой помощи были устройство лазаретов, питательных пунктов для войск, сбор тёплых вещей для солдат и офицеров. Первые пожертвования начались сразу же после освобождения Нижнего Тагила Народной армией Всероссийского временного правительства (Уфимской директории) от власти большевиков. Уже 18 октября 1918 г. собрание членов профессионального общества торговых служащих Нижнего Тагила пожертвовало семьям павших при освобождении города белых воинов 1 000 руб. 22 октября прихожане Входа-Иерусалимского собора передали в пользу белых защитников 1 131 руб. 71 коп. Спустя три недели, 14 ноября 1918 г. служащие Высокогорского механического завода внесли в армейский фонд 1 689 руб. 77 коп. Такие сборы проводились вплоть до исхода белых из Тагила. Всего, по подсчётам тагильского историка В.В. Коновалова, население Нижнего Тагила пожертвовало на «белое дело» около 112 тыс. руб. Однако эти подсчёты явно неполные. Само Тагильское земство на торжественном собрании гласных 4 февраля 1919 г. оценило денежные сборы на армию и добровольную боевую дружину в 185 тыс. руб.²⁰ Поскольку сборы проводились и в дальнейшем, их сумма должна была ещё более возрасти.

Впрочем белое командование не полагалось только на сознательность граждан и развернуло широкую конфискационную деятельность. Реквизиция подлежала многому. Вскоре после освобождения Тагила от власти большевиков до сведения тагильчан был доведён целый ряд приказов уполномоченного командира 3-го Уральского отдельного корпуса по водворению государственного порядка и общественного спокойствия полковника Некрасова. 11 ноября 1918 г. он потребовал немедленно зарегистрировать в милиции полевые бинокли и приборы, а также швейные машинки 16-го класса (специальные для портновских мастерских). 12 ноября подобные меры были распространены на перевязочный материал (марлю, вату, бинты) и лекарства. 15 ноября тотальной регистрации подверглись «сёдла пехотных, кавалерийских и артиллерийских образцов». В начале декабря 1918 г. бинокли, швейные машинки и сёдла были конфискованы, а перевязочные материалы могли выдаваться только по специальным разрешениям властей²¹.

Частым объектом реквизиции были лошади. Уже осенью 1918 г. были реквизированы почти все заводские лошади. В начале 1919 г. белая администрация приступила к планомерному изъятию лошадей у населения, причём деньги за них выплачивались бывшим владельцам

крайне редко. Реквизиции коснулись даже такого специфического продукта, как сено. Своим постановлением от 25 октября 1918 г. Нижнетагильская земская управа обязала каждого тагильчанина, занимавшегося сенокосением, поставить в пользу белой армии по два пуда сена с каждой скошенной десятины. Уклоняющиеся должны были ответить «по законам военного времени»²².

Нередко от действий властей страдали вполне уважаемые и благонамеренные люди. Так, священнослужитель В.Конин лишился пишущей машинки, изъятой для нужд коменданта Нижнетагильского завода. И хотя денежная стоимость машинки была ему возмещена, батюшка оставался безутешным. Владелица типографии Евлампия Михайловна Левитская рассталась с типографскими принадлежностями. Пикантность ситуации заключалась в том, что часть этих принадлежностей у Левитской конфисковали ещё красные, но типография продолжала работать. Однако после изъятий белых «освободителей» Евлампия Михайловна вынуждена была полностью свернуть своё дело²³.

Особенно острой проблемой для войск армии Верховного правителя стал вопрос обеспечения солдат и офицеров обмундированием и тёплой одеждой. Как справедливо отмечает С.И.Константинов, «сытая, отлично одетая и до зубов вооружённая колчакская армия такой же ложный стереотип, как поголовно одетая в лапти Красная армия»²⁴. Уже первое посещение А.В.Колчаком фронта в начале ноября 1918 г. (ещё в ранге военного министра Уфимской губернии) произвело на него тяжёлое впечатление. Раздетые и разутые части встречались и во время последующих посещений фронта. В Иркутске, за несколько дней до казни, Александр Васильевич вспоминал: «Я встречал солдат и офицеров на передовых позициях, одетых совершенно фантастически, – где уж тут говорить о погонах; было бы что-нибудь одеть». Военный министр Омского правительства А.П.Будберг в дневнике за 18 мая 1919 г. обмолвился: «Всё время убеждаю ставку, что надо, во что бы то ни стало, остановить рост армии и всякие самочинные формирования, ибо давно уже у нас нет во что их одевать, а кое-где нет и чем кормить»²⁵.

Для решения этой проблемы использовались добровольные пожертвования, закупки и реквизиции. В октябре 1918 г. в Нижнем Тагиле был организован Комитет по сбору тёплых вещей в белую армию. Среди прочего собирались валенки, тёплые носки, портянки, шапки, варежки, тёплое бельё, полушубки. В ноябре 1918 г. уполномоченный министерства снабжения по Верхотурскому уезду призывал тагильчан: «Зимние морозы застали армию без тёплой одежды. Граждане, ис-

Отпевание погибших 8-го Силезского полка в Введенской церкви г. Нижнего Тагила. 8 октября 1918 г.

полните, кто как может, свой гражданский долг, помогите одеть ваших детей-солдат, идущих в окопы. Если кто не может жертвовать [одежду или обувь], несите за деньги. Армия купит и поблагодарит за каждый полушубок, овчину, валенки и шапку». В циркуляре того же уполномоченного Нижнетагильской земской управы от 19 декабря 1918 г. отмечалась «крайняя нужда армии в тёплом обмундировании, полушубках, пижамах, шапках, варежках и прочем». Уполномоченный разрешил приобретать для армии «не форменные и не вполне соответствующие образцам [вещи], лишь бы выполняли своё назначение, причём полушубки или даже просто овчины, из которых можно было бы изготовить полушубки, могут быть квашенные, а не дублённые»²⁶.

Уже к началу февраля 1919 г. по данным земства, по городу было собрано тёплых вещей, обуви и других предметов, в которых нуждалась армия, на сумму 60 тыс. руб.²⁷ Эта работа проводилась и в дальнейшем, причём потребность в этих вещах не ослабевала. В апреле 1919 г. по Нижнему Тагилу было расклеено обращение командующего Сибирской армией генерал-полковника Р.Гайды и начальника штаба генерал-майора Б.П.Богословского. «Жертвуйте на армию, – просили белые генералы, – несите деньги, бельё, книги, табак, хлеб, мясо. Откажите себе в лишних удовольствиях и удобствах – момент слишком грозен, чтобы дорожить этими удобствами, приглашайте и других последовать вашему примеру»²⁸.

Но одними только жертвованиями и закупками обойтись было нельзя. Через пять дней после прихода к власти, 23 ноября 1918 г., Верховный правитель издаёт специальный приказ, которым «запрещалось ношение военного платья и отдельных предметов военного обмундирования тем, кто факти-

чески не находился на действительной военной службе». Устанавливался жёсткий срок исполнения – один месяц со дня опубликования, за нарушение предусматривалось трёхмесячное тюремное заключение или штраф в три тысячи рублей. Лица, уличённые в продаже или покупке военного обмундирования, снаряжения, защитного сукна давались военно-полевому суду. Приказ А.В.Колчака выполнялся из рук вон плохо, поскольку постоянно на места следовали указания на этот счёт. Так, 28 апреля 1919 г. уполномоченный командующего Сибирской армией специальным приказом вновь «воспретил частным лицам ношение платья военного покроя и защитного цвета». Все граждане должны были «сдать его в управление коменданта в 7-дневный срок». Кара за невыполнение оставалась старая, предусмотренная ещё в приказе Верховного правителя²⁹.

Все эти приказы и распоряжения развязали руки местным властям. В торговых организациях и у населения реквизировали сукно для пошива обмундирования и само обмундирование³⁰. Особенно страдали от этого отпущенные из германского плена солдаты. У них зачастую военное обмундирование было единственной одеждой. Гражданских лиц, посмеявшихся носить элементы военной формы, нередко раздевали прямо на улице. Так, бывший военнопленный Николай Приходько позднее вспоминал, что когда в феврале 1919 г. он вместе со своим соседом Иваном Калиным решил пойти посмотреть на проезд через Нижний Тагил Колчака, их остановил военный патруль. Приходько удалось отстоять свою форменную шапку, а Калину повезло меньше. С него прямо на улице содрали тёплые военные штаны и бывший фронтовик Первой мировой два километра бежал по страшному моро-

зу до дома в подштанниках, в результате чего сильно обморозился³¹.

При обысках и арестах заподозренных в большевизме лиц обязательно производились денежные изъятия и конфискация имущества, что нередко оставляло их семьи без средств к существованию. В материалах белой комендантуры Нижнего Тагила имеются десятки списков, в которых фигурируют изъятые у арестованных и реквизируемые у населения шинели, полушубки, солдатские ботинки, рубашки и другая одежда и обувь (вплоть до кальсон, портянок и ремней)³².

Положение Нижнетагильских заводов и рудников в октябре 1918 – апреле 1919 г. было тяжёлым. Довольно значительным был ущерб от военных действий. От обстрелов и пожаров в ходе сражений за город обыватели потерпели убытков на 100 тысяч рублей. На собрании гласных Нижнетагильского волостного земства 4 февраля 1919 г. констатировалось: «После ухода большевиков в ноябре 1918 г. хозяйство в корень расшатано, денежные средства истощены»³³. Нехватка сырья, топлива, гибель или уход с красными значительной части рабочих, длительные перебои с продовольствием отрицательно сказывались на производстве. Объёмы выпускаемой продукции непрерывно падали. Число потребителей продукции резко сократилось, и основным заказчиком стала армия.

О значительном ухудшении экономического положения заводов Нижнетагильского округа во второй половине 1918 г. говорит и резкое сокращение численности работников. За июль – декабрь 1918 г. она снизилась почти на три четверти. Главной причиной стал уход значительной части рабочих с отступившей Красной армией. Повлияло также продолжающееся падение промышленного производства, что вело к дополнительным увольнениям.

Однако в мае – июне 1919 г. ситуация стала меняться в лучшую сторону. Характеризуя экономическое положение города за первую половину мая 1919 г., начальник Нижнетагильской милиции констатировал: «Работы на заводах и в мастерских кустарей идут успешно, деятельность заводов оживляется». Оптимистичен он и в обзоре за первую половину мая – первую неделю июня: «Работы на заводах оживлены»³⁴. За военные заказы боролись не только промышленные предприятия, но и кустарные заведения. Так, в земских показательных мастерских было организовано изготовление и ремонт походных кухонь. Для местных нужд земскими органами был введён дополнительный однопроцентный сбор на все товары и услуги (включая продажу электрических лампочек, оформление официальных бумаг и т.п.). Благодаря земству централизованно закупалось железо по снижен-

ным ценам для нужд тагильских кустарей, осуществлялся ремонт мостов³⁵.

Негативное воздействие на развитие производства оказывали и ограничения в сфере торговли. В условиях войны механизмы свободной конкуренции не работали. Характерными в этом отношении стали мытарства известного тагильского предпринимателя Якова Павловича Всехвалянова. Ещё в 1917 г., до прихода большевиков к власти, он приобрёл в г. Благовещенске 202 пуда 35 фунтов монпансье и сдал его для отправки на свой адрес железной дороге. Дорога не проявила расторопности и Благовещенский совет 3 апреля 1918 г. реквизировал не отправленный частный груз. Узнав об этом, пробивной купец добился освобождения своей собственности, переоформив её для вида на Нижнетагильский совдеп. В декабре 1918 г. злосчастное монпансье прибыло в Екатеринбург и было вновь конфисковано, теперь уже белыми властями, как груз большевистского органа. Только 22 февраля 1919 г. Всехвалянов получил от Нижнетагильской земской управы специальную доверенность на получение конфет. В ней Екатеринбургская городская продовольственная комиссия информировалась обо всех вынужденных ухищрениях купца. Таким образом, потребовалось более года и невероятная пробивная способность, чтобы получить закупленный товар³⁶.

А вот другой эпизод, связанный с передвижением товаров. Нижнетагильский кооперативный союз кустарей вскоре после перехода Тагила в руки белых сумел быстро наладить производство и занять работой тысячи рабочих. Но уже в декабре 1918 г. Уральская железная дорога прекратила приём кустарных изделий для отправки потребителям. Не имея крупных оборотных капиталов, кустарные предприятия Тагила вынуждены были уменьшать выпуск продукции или закрываться. На жалобы в высшие правительственные инстанции Пермская железная дорога ответила 27 марта 1919 г., что за недостатком перевозочных средств «принимаются к перевозке только лишь воинские внеочередные грузы». Для отправки груза кустарей требовалась санкция особой инстанции – Уральского порайонного комитета³⁷.

Белые власти отменили всё красное законодательство, включая и прогрессивные социальные нормы. Это ухудшило положение трудящихся Нижнего Тагила. Вся забота о социальном страховании от безработицы, по болезни и уходу за ребёнком легла на плечи профессиональных союзов, в первую очередь профсоюза металлистов. Однако полностью отказаться от нового оказалось делом сложным. Взамен большевистского соцобеспечения требовалось дать хоть что-то. При Нижнетагильских заводах была учреждена больничная касса. Участники – ра-

бочие и служащие, платили взносы на её содержание (1–2 % заработка). Приплаты поступали от предпринимателей. Кроме того, касса рассчитывалась на пожертвования, доходы с собственного имущества, пени и случайные поступления. Денежные пособия полагались участникам кассы в случае болезни или несчастного случая, которые повлекли за собой утрату трудоспособности, при беременности и родах, в случае смерти (выплата денег на погребение семье покойного). Конечно, размеры этих выплат были невелики³⁸.

Постоянным спутником тагильчанина при белом режиме была галопирующая инфляция, которая значительно обесценивала заработную плату. Цены на рынке постоянно росли. Так, в декабре 1918 г. пуд пшеничной муки стоил 25 руб., в феврале 1919 г. – 68–70 руб., весной 1919 г. – уже 130 руб. Между тем, месячный заработок рабочего на приисках составлял зимой 1919 г. около 450 руб., учителя тагильских школ осенью 1918 г. получали 400 руб.³⁹ Следует учитывать, что твёрдый заработок имели далеко не все, поскольку безработица в Нижнем Тагиле была широко распространена.

Лишь офицеры и солдаты Белой армии питались относительно неплохо. Так, например, штату штаба гарнизона города в октябре 1918 г. была положена следующая норма (в расчёте на 1 человека, по хлебу – дневная, по остальным продуктам – месячная): хлеба – 634 г, муки – 2 кг, мяса – 9,5 кг, крупы (гороха, риса, проса) – 1,9 кг, картофеля – 2,6 кг, овощей (капусты и лука) – 4,1 кг. Кроме того, на каждого солдата и офицера штаба полагалось в месяц около 2,4 кг сахара, более 1,2 кг масла, более 1 кг соли, по 68 г чая и кофе, по 400 г мыла и табака⁴⁰.

Гораздо хуже было положение с продовольствием у простых обывателей. Семьям солдат, мобилизованных в Белую армию, полагалось продовольственное пособие. Но в связи с редким поступлением средств на эти цели от правительственных структур Нижнетагильская волостная земская управа либо задерживала выдачу пособий, либо вообще их не выдавала. В одном из донесений тагильского коменданта отмечалось сильное истощение значительной части населения вследствие безработицы. Люди вынуждены были менять на хлеб даже тёплую одежду. Основным источником продовольствия для многих тагильчан являлось своё подсобное хозяйство. Именно поэтому самым страшным воспоминанием гражданской войны для тагильчанина Ф.И.Пестова (1911 года рождения) стал эпизод, когда белые грозили забрать корову⁴¹.

Тяжёлым положением трудящихся в белом тылу попытались воспользоваться большевики. Созданное для руководства красным подпольем Урал-Сибирское бюро ЦК РКП(б) напра-

вило через линию фронта группу мотовилихинских рабочих во главе с М.П.Туркиным. В группу входили также Ф.Баранов, Жужгов и другие. Они должны были возглавить тагильскую подпольную организацию и подготовить восстание в посёлке. Но до Тагила эта группа не добралась. Поэтому оставшиеся в Тагиле сторонники большевиков действовали разрозненно, и сильного подполья здесь не сложилось. Лишь на телеграфе железнодорожной станции Нижний Тагил действовала группа А.П.Белова, но вскоре она была разоблачена белой контрразведкой и разгромлена⁴².

Продолжали своё функционирование земская и заводская больницы. В феврале 1919 г. заведующим медицинской частью заводской больницы работал профессор Д.И.Кузнецкий; среди прочего персонала упоминаются фельдшера Г.И.Зубов, К.И.Карьков и Л.А.Пронин. В связи с мобилизациями в армию и неопределённостью политической ситуации медицинские заведения Нижнего Тагила испытывали ощутимый недостаток квалифицированных врачебных кадров. Эпидемическая обстановка в Нижнем Тагиле на протяжении всех месяцев белого правления оставалась тяжёлой. Так в мае 1919 г. в городе свирепствовала эпидемия тифа, вызванная употреблением сырой воды. Поэтому Тагильское общество Красного Креста под председательством Пономарёва развернуло широкую работу по санитарному просвещению населения. Оно выпускало специальные листовки, проводило лекции и беседы по злободневным санитарным вопросам⁴³.

Эвакуации первой мировой и гражданской войн не только резко увеличили население города, но и способствовали временному росту его образовательного потенциала. Если в 1909 г. в посёлке Нижнетагильского завода действовало 23 училища, то в конце 1918 г. их насчитывалось уже 32. Из западных районов Российской империи в годы Первой мировой войны были вывезены Либауская женская гимназия Будковой, а также 1-е и 2-е Львовские начальные училища. Для детей тагильских татар функционировало Русско-татарское училище⁴⁴.

Впрочем, эта потенциальная возможность расширения учебных услуг в годы войны наталкивалась на серьёзные ограничения. В октябре 1918 г. здания Выйского двухклассного, реально-го, Введенского двухклассного, железнодорожного, 1-го и 2-го Львовских, Троицко-Никольского, Ключевского, Гальянского училищ и женской гимназии были заняты под постой войск. Школа испытывала острейший недостаток в дровах, бумаге, карандашах, перьях и чернильном порошке, школьных пособиях и учебной литературе. Проблема была столь острой, что комендатура взяла на учёт и изъяла для нужд обра-

зовательной системы все запасы школьного имущества, находившегося в городе. По данным на 6 ноября 1918 г., на складе Верхотурского земства в Нижнем Тагиле имелось 1 507 стоп бумаги, 36 дюжин карандашей, 97 коробок перьев и 1 080 коробок чернил. Для 5 тыс. учащихся города этого было явно недостаточно. На одном из заседаний заведующих начальными школами Нижнего Тагила, состоявшемся 10 ноября 1918 г., отмечалось, что «чернильный порошок, имеющийся в земском складе, весьма плохого качества». Поэтому была направлена просьба аптеке местной земской больницы изготовить чернила для школ⁴⁵.

Сразу же после освобождения города от власти большевиков началась большая чистка учительских кадров

Церковь Александра Невского в 1918 г., повреждённая в ходе боёв.

(завуалированная под выборы педагогического персонала). Состоявшееся 3 ноября 1918 г. собрание учителей Верхотурского уезда попыталось было воспротивиться затее новых властей, мотивируя это тяжёлыми жизненными условиями педагогов (задержкой зарплаты, дороговизной жизни и т.п.), но успеха не имело. В каждом училище были организованы особые собрания в составе педагогических советов и родительских комитетов с обязательным участием двух представителей от земства. Именно они и формировали избирательные комиссии. Эти органы получали от земства и контрразведки подробные сведения о том, «где каждый служил во время большевистской власти, и при какой должности состоял». Уличённые в сотрудничестве с советской властью учителя увольнялись⁴⁶.

Продолжалось развитие сети культурных учреждений. 22 января 1919 г. был открыт Рабоче-кооперативный клуб при культурно-просветительном

отделе общества потребителей. Нижнетагильский профсоюз металлистов продолжал деятельность Народного университета. На всём протяжении гражданской войны в Нижнем Тагиле действовали возникшие ещё в начале XX в. кинотеатры «Свобода», «Иллюзия» и «Одеон». В репертуаре тагильских кинотеатров были классические русские киноленты «Песнь торжествующей любви», «Позабудь про камин», «Молчи, грусть, молчи», «Оборона Севастополя», «Ермак», «Власть тьмы» и т.д. Наряду с этим попадались и такие экзотические ленты, как «Торговцы живым товаром (из жизни нью-йоркских бандитов)», демонстрировавшаяся в «Свободе» 28–30 января 1919 г.⁴⁷

Театр в Нижнем Тагиле в период белой администрации переживал время подъёма. Так, в январе 1919 г. в заводском театре состоялся показ двух балетных спектаклей. Афиша гласила, что в них принимают участие известные театральные профессионалы: артистка музыкальной драмы И.С.Архипова, артистка К.В.Горданская, прима-балерина М.Стекло, баритон М.К.Максаков и тенор И.В.Малков, которым аккомпанировала Л.А.Голубкина. Музыкальными событиями первой половины 1919 г. были вечер памяти Чайковского, постановка опер «Царская невеста» Римского-Корсакова, «Евгений Онегин» Чайковского, «Аида» Верди, пьес Островского «Лес» и Зудермана «Огни Ивановой ночи». Следует особо отметить, что программы спектаклей предварительно просматривались начальником контрразведки сотником Перепёлкиным, который выступал в роли строгого цензора. Так, к примеру, он вычеркнул из списка готовящихся к постановке пьесу Островского «Гроза». Видимо, социальный подтекст этого произведения мог вызвать у зрителя нежелательные ассоциации⁴⁸.

Война и её неизбежные спутники – произвол и насилие накладывали свой отпечаток на культурные процессы. Музыкальные инструменты и ноты, принадлежащие соборному служащих Нижнетагильских заводов и заведующему заводским оркестром Г.Рябову, были присвоены расположенным в Тагиле военным оркестром 15-го полка⁴⁹. Печальной оказалась судьба городской библиотеки. Она была сформирована ещё при большевистской власти за счёт демидовской заводской, клубной и библиотек нижнетагильского и невьянского винных складов. В библиотеку попадали и книги, конфискованные при обысках у противников большевиков. Книжное собрание размещалось в национализированном доме купца Е.Копылова и насчитывало 30 тыс. томов. После освобождения Нижнего Тагила белыми библиотека стала именоваться Центральной земской и активно работала для читателей-тагильчан. Однако принцип частной соб-

ственности оказался выше принципа целесообразности и общественной пользы. Сначала домовладелец Е.Копылов потребовал удаления библиотеки из его дома (не забыв выставить счёт за пользование его собственностью), винные склады и нижнетагильские заводы (несмотря на униженные мольбы земства) отказались оставить в ней свои книги. В конце концов библиотека была закрыта, а книги возвращены прежним владельцам⁵⁰.

Введение ещё в 1914 г. «сухого закона», ограничение продажи крепких спиртных напитков, подтверждённое и красными и белыми властями, породило российское бутлегерство. Кумышковажением (именно так именовалось в годы гражданской войны изготовление самогона) занимались не только многие тагильчане, но даже белая милиция, призванная бороться с этим социальным злом⁵¹. По приказу уполномоченного государственного порядка и общественного спокойствия в Екатеринбургском, Камышловском, Шадринском, Красноуфимском, Ирбитском и Верхотурском уездах полковника Домонтовича нарушителей общественного спокойствия ожидали суровые кары. За появление на улицах и в общественных местах в нетрезвом виде им грозил арест от 1 недели до 1 месяца с заменой штрафом от 100 до 1 000 руб., за изготовление и продажу спиртных напитков – от 1 до 2 месяцев тюрьмы (или штраф от 100 до 1 500 руб.). Торговля контрабандным (необандеролённым) табаком влекла за собой штраф в размере до 25 руб.⁵²

К лету 1919 г. положение на восточном театре гражданской войны вполне определилось: Красная армия наступала, а колчаковские войска вынуждены были отходить. В июне через заводской посёлок потянулись беженцы. Предстоящий приход красных вызвал беспокойство у значительной части тагильчан. Сборы в эвакуацию начались не только среди тех, кто тесно связал себя с белой властью, но и среди тех, кто не имел к ней никакого отношения. Решение уйти с белыми приняла большая часть инженеров и техников Нижнетагильского округа и даже кое-кто из рабочих. Среди эвакуировавшихся были главный инженер горного отдела Нижнетагильского округа Кузнецов, смотритель Климов, горные техники Иванов и Кондаков, механик Высокогорского железного рудника Епимахов и многие другие. Правда большая часть эвакуировавшихся была перехвачена в Сибири наступающей Красной армией и впоследствии возвратилась обратно⁵³.

Трое суток в Нижнем Тагиле не было ни белых, ни красных. Опасаясь быть отрезанными стремительным красным наступлением, белые покинули посёлок, а главные маршруты пол-

ков Красной армии проходили южнее и севернее Нижнего Тагила. Лишь в ночь на 19 июля 1-й батальон 22-го Кизеловского полка 3-й армии вступил в Нижний Тагил. Это означало завершение истории «белого» Тагила.

Примечания:

¹ Были горы Высокой. Свердловск, 1960. С. 183–186, 188–189; Денисов Н. Вылазка черносотенцев // Тагильский рабочий. 1963. 26 февраля.

² Были горы Высокой. С. 195–196. Среди членов отряда был забойщик Высокогорского железного рудника Василий Мамонов.

³ Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. 405. Оп. 1. Д. 27. Л. 80, 127.

⁴ Были горы Высокой. С. 198–199.

⁵ Там же. С. 199. И.Р.Носов уточняет, что Нехорошков провёл подразделения белых с востока, Федюнин – с юга, а Котов – с запада.

⁶ Там же. С. 200, 216; Нижний Тагил. Свердловск, 1961. С. 108. По воспоминаниям Г.С.Быкова, «погибло несколько сотен красноармейцев. Под Красным Камнем были навалены кучи трупов».

⁷ НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 26. Л. 18.

⁸ Гаёв Е. Из воспоминаний члена Делового совета // Нижний Тагил. Свердловск, 1945. С. 114; Были горы Высокой. С. 218. Как вспоминает Ф.В.Борисова, большевиков оставило не отвращение к этой зверской акции, а надежда на кратковременность белогвардейской оккупации города.

⁹ НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 4. Л. 48; Рождественская К. Краткая летопись Нижнего Тагила // Нижний Тагил. Свердловск, 1945. С. 230; Были горы Высокой. С. 210.

¹⁰ Коновалов В.В. Белая комендантура в Нижнем Тагиле // Тагильский край в панораме веков. Материалы научно-практической конференции г. Нижний Тагил. 12–13 мая 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 79–80; НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 4. Л. 48; Д. 8. Л. 2; Д. 26. Л. 6, 18; Д. 30. Л. 11.

¹¹ Были горы Высокой. С. 212.

¹² Злобина И.В., Фахретденова А.Х. Террор в Нижнем Тагиле в годы гражданской войны // Книга памяти. Екатеринбург, 1994. С. 18; НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 26. Л. 79.

¹³ Были горы Высокой. С. 218–220. Интересно отметить, что выдал Борисову тот самый Иван Нехорошков, что провёл белые отряды в тыл красным, а среди инициаторов её увольнения был первый командир отряда Красной гвардии в Нижнем Тагиле левый эсер П.И.Бабин.

¹⁴ НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 26. Л. 84; Злобина И.В., Фахретденова А.Х. Указ. соч. С. 18.

¹⁵ Гаёв Е. Указ. соч. С. 117–118; НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 37. Л. 5.

¹⁶ НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 10. Л. 57; Д. 17. Л. 52; Д. 25. Л. 134; Д. 29. Л. 52.

¹⁷ Там же. Д. 6. Л. 44; Д. 10. Л. 3; Д. 26. Л. 17, 22. В случае законного приобретения оружия требовалось ещё уплатить гербовый сбор в размере 444 руб.

¹⁸ Были горы Высокой. С. 221; НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 20. Л. 71.

¹⁹ Косоглядова О.А. Земское образование в Нижнем Тагиле в годы гражданской войны // Тагильский край в панораме веков. Екатеринбург, 1999. С. 82.

²⁰ НТГИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 7. Л. 49 об.; Коновалов В.В. Указ. соч. С. 81. Автор отмечает, что эти подсчёты неполны.

²¹ НТГИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 4. Л. 85, 86, 88, 133.

²² Там же. Л. 46; Ф. 405. Оп. 1. Д. 11. Л. 2; Д. 27. Л. 32, 35.

²³ Там же. Ф. 405. Оп. 1. Д. 6. Л. 2; Д. 25. Л. 159. Василий Диомидович Конин с 1899 г. был священником Свято-Троицкой единоверческой церкви Нижнего Тагила и благочинным

единоверческого округа. Окончил учительский институт и являлся одним из самых образованных священнослужителей нашего города. В годы первой русской революции, подобно большинству священников, занял ярко выраженную монархическую позицию. Был одним из руководителей Союза русского народа в Тагиле.

²⁴ Константинов С.И. Вооружённые формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург, 1997. С. 210.

²⁵ Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака (стенографический отчёт) // Колчак Александр Васильевич – последние дни жизни. Барнаул, 1991. С. 220; Будберг А. Дневник белогвардейца (Колчаковская эпопея) // Дневник белогвардейца. Новосибирск, 1991. С. 251.

²⁶ НТГИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 1. Л. 20; Д. 4. Л. 100; Ф. 405. Оп. 1. Д. 19. Л. 11.

²⁷ Там же. Ф. 404. Оп. 1. Д. 7. Л. 49 об.

²⁸ Там же. Д. 1. Л. 156.

²⁹ Там же. Л. 37, 178.

³⁰ Там же. Ф. 405. Оп. 1. Д. 5. Л. 23, 26; Д. 6. Л. 62; Д. 11. Л. 2.

³¹ Были горы Высокой. С. 220–221.

³² НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 6. Л. 64, 88; Д. 10. Л. 35–36. В переписке коменданта Нижнетагильского завода сухо отмечено, что при одном из обысков у семьи из четырёх человек конфисковано 4 685 руб., у семьи из трёх человек – 1 250 руб., и т.п. Один из конфискационных списков имеет номер 193.

³³ Там же. Ф. 404. Оп. 1. Д. 7. Л. 49; Косоглядова О.А. Указ. соч. С. 82. К сожалению тагильское земство, сделавшее этот подсчёт, не указывает, включены ли сюда потери промышленных предприятий города.

³⁴ Цит. по: Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 258–259. Улучшение экономического положения Урала в мае 1919 г. по сравнению с апрелем констатирует и управляющий делами Омского правительства Г.Гинс. См.: Гинс Г. Впечатления и мысли члена Омского правительства // Колчак Александр Васильевич – последние дни жизни. Барнаул, 1991. С. 36.

³⁵ НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 11. Л. 16.

³⁶ Там же. Ф. 404. Оп. 1. Д. 2. Л. 168–168 об.

³⁷ Там же. Л. 86 об.–87.

³⁸ Там же. Ф. 405. Оп. 1. Д. 4. Л. 24; Д. 20. Л. 104–114.

³⁹ Косоглядова О.А. Указ. соч. С. 83.

⁴⁰ НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 28. Л. 24. Рассчитано нами, исходя из соотношения: 1 пуд – 16,3805 кг; 1 фунт – 409,51241 г; 1 золотник – 4,2657 г.

⁴¹ Там же. Д. 20. Л. 170; Д. 25. Л. 40; Были горы Высокой. С. 217–218.

⁴² Нижний Тагил. Свердловск, 1977. С. 51–52; Информация А.Х.Фахретденовой.

⁴³ НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 11. Л. 21; Д. 19. Л. 4.

⁴⁴ Рождественская К. Указ. соч. С. 227; НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.

⁴⁵ Косоглядова О.А. Указ. соч. С. 82, 84; НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 4. Л. 39, 60.

⁴⁶ Косоглядова О.А. Указ. соч. С. 84; НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 4. Л. 40.

⁴⁷ НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 4. Л. 17, 24; Д. 17. Л. 58, 65–66, 122; Д. 21. Л. 45.

⁴⁸ Там же. Д. 17. Л. 78, 88.

⁴⁹ Там же. Л. 114.

⁵⁰ Косоглядова О.А. Указ. соч. С. 85.

⁵¹ НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 26. Л. 45–46; Д. 10. Л. 19.

⁵² Там же. Д. 10. Л. 3.

⁵³ Были горы Высокой. С. 223–224.

МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТАГИЛЬЧАН В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Период с 1917 до начала Великой Отечественной войны – один из самых драматичных в истории Нижнего Тагила. За неполные четверть века тагильчане прошли через потрясения революции 1917 г. и гражданской войны, зигзаги нэпа, испытания первых пятилеток. Это был этап, когда историческое время спрессовалось, вместив в короткий промежуток столько трагических и драматических событий, на которые в более спокойные эпохи потребовались бы целые века.

В это время изменился статус Нижнего Тагила: заводской посёлок стал городом. Согласно утвердившейся в уральской литературе точке зрения, Нижний Тагил был преобразован в город только в 1919 г. При этом ссылаются на постановление Екатеринбургского губернского военно-революционного комитета от 20 августа 1919 г.¹ Однако существуют и другие свидетельства о том, что статус города был получен Нижнетагильским заводом до 1919 г. Во вводной статье энциклопедии «Города России» упоминается распоряжение Временного правительства, согласно которому Нижний Тагил вместе с Черемхово, Орехово-Зуево, Кимрами и рядом других населённых пунктов получил статус города ещё в 1917 г.² Ещё одна точка зрения на этот вопрос содержится в монографии Челябинского историка И.В.Нарского. Упомянув, что в январе 1918 г. была об-

разована новая Екатеринбургская губерния, историк далее замечает: «В конце 1917 – начале 1918 г. только что пришедшие к власти уральские большевики энергично принялись за переименование и повышение статуса населённых пунктов, сделав таким образом символическую заявку на будущее переустройство мира. Так в Вятской губернии Воткинский и Ижевский заводы были переименованы в города Воткинск и Ижевск, что позднее было признано и Комучем, а слобода Кукарка была переименована в город с семью волостями и программным названием Советск. В уездные центры новой Екатеринбургской губернии превратились бывшие горнозаводские посёлки – Алапаевский, Каменский, Надеждинский, Нижне-Тагильский»³. К сожалению, И.В.Нарский не указывает источника этой информации. Судя по контексту, придание Нижнему Тагилу статуса города произошло в конце 1917 – начале 1918 г.

Белая администрация Нижнего Тагила официально именовала его Нижнетагильским заводом (т.е. заводским посёлком). Однако в текстах приказов и распоряжений белых комендантов наряду с упоминаниями Нижнетагильского завода встречается определение Нижнего Тагила как города. Так, объявление о мобилизации, датированное 26 октября 1918 г., сделано от имени коменданта города и района Нижнего Тагила. В приказе «коменданта Нижне-Тагильского завода и его окрестностей» от 2 декабря 1918 г. содержатся примечательные оговорки: «Все граждане, имеющие сёдла должны сдать таковые в Управление коменданта города», «обыски и аресты в городе...»⁴. В официальных областных справочниках советского периода годом признания Нижнего Тагила городом также указан 1917 г.⁵ Вопрос этот требует дополнительного исследования.

Период 1917 – конца 30-х гг. – это время резких колебаний численности населения Нижнего Тагила. Первая общероссийская перепись 1897 г. зафиксировала наличие в Нижнем Тагиле 31 449 человек. Согласно данным земской статистики, население заводского посёлка в 1907 г. составляло 33 939 человек, а в 1909 выросло до 34 709 человек. К началу Первой мировой

Центральная часть Нижнего Тагила. 1920-е гг.

Праздничная демонстрация на ул. Ленина. 1930-е гг.

войны численность населения города практически не изменилась⁶.

В годы Первой мировой войны темпы роста городского населения Урала выросли. Если в 1897–1913 гг. городское население Пермской губернии росло в среднем на 5,1 % в год, то в 1913–1916 – уже на 6,1 %⁷. Увеличивалось и население Нижнего Тагила. В 1916 г. в нём проживало 44,0 тыс., а в 1917 г. – 47,0 тыс. жителей⁸. Причиной быстрого роста населения стал приток беженцев из центральных районов России. Среди них были выходцы из Польши и Галиции⁹.

После начала гражданской войны вынужденная миграция продолжалась. В Тагиле оседало немало беженцев из Центральной России, спасающихся от преследований большевиков¹⁰. В марте 1919 г. число жителей Нижнего Тагила приблизилось к 50 тыс. человек. Этот процесс, который И.В.Нарский метко окрестил «вынужденной урбанизацией», хорошо просматривается на данных о численности населения различных частей посёлка (см. табл. 1). Основная масса прибывающего населения концентрировалась в центральных частях города, где имелись крупные дома. Окраинные Гальянка и Ключи, в которых проживала преимущественно бедная часть населения и отсутствовали многоквартирные строения, росли гораздо медленнее.

Уход Белой армии из Нижнего Тагила в июле 1919 г. привёл к значитель-

ному сокращению численности населения. В марте 1920 г. в городе оставалось 40,9 тыс. жителей (83,5 %), а в августе 1920 г. первая советская перепись населения зафиксировала наличие в Нижнем Тагиле всего 37 799 человек. Если в 1909 г. в Нижнем Тагиле на каждые 100 женщин приходилось 90 мужчин, то в 1920 г. на 100 женщин оставался всего 81 мужчина. Особенно удручающим было соотношение полов в возрасте 20–29 лет, на которые пришлась основная тяжесть военных потерь. В Нижнем Тагиле на каждые 100 женщин соответствующего возраста насчитывалось всего 63 мужчины¹².

Окончательный удар по населению города нанёс ужасный голод 1921–1922 гг. По данным всесоюзной городской переписи 1923 г., в Нижнем Тагиле оставалось всего 26 682 жителя. Со второй половины 1922 г., после хорошего урожая и по мере развёртывания преимущества новой экономической политики и улучшения условий жизни людей, численность населения вновь стала увеличиваться. По переписи 1926 г., численность населения города, которую он имел в 1920 г., была восстановлена и составила 38 820 человек. Среди городов Уральской области Нижний Тагил в 1926 г. занимал пятое место, уступая лишь Свердловску, Перми, Челябинску и Златоусту¹³.

Тридцатые годы стали периодом стремительного роста населения города. В январе 1929 г. население Нижнего Тагила равнялось 42 705, в июне

1930 г. – 54 100 человек. С первых месяцев 1931 г., когда началось строительство Новотагильского и Уральского вагоностроительного заводов, численность населения начинает быстро увеличиваться. На 1 января 1931 г. в городе проживало 59 483 человека, на 16 апреля – 61 300, на 1 июня – 85 900 и на 1 января 1932 г. – 117 700 человек¹⁴.

По статистическим сводкам ЦУНХУ, на 1 января 1933 г. в городе проживало 126 тыс. человек, на 1 января 1935 г. – 150 тыс. Всесоюзная перепись 1937 г. показала наличие в городе 147 136 человек (некоторое сокращение численности населения можно объяснить уменьшением объёмов строительных работ и снижением размеров коллективов строителей). Последняя в 1930-е гг. перепись населения страны, проведённая в 1939 г., зафиксировала проживание в нашем городе 159 867 человек¹⁵.

Годы предвоенных пятилеток были периодом самого быстрого увеличения численности населения Нижнего Тагила за всю его историю. Эта стремительность становится особенно наглядной при сопоставлении темпов прироста населения Нижнего Тагила. В 1850–1914 гг. среднегодовой темп прироста населения города составлял всего 0,79 %, в 1914–1920 вырос до 1,10 % (хотя за этими цифрами скрывается резкий рост в 1914–1919 гг. и последующее резкое сокращение численности населения). В 1920–1926 гг. среднегодовой прирост составил 0,38 %. Зато с конца 20-х гг. темпы прироста совершили стремительный скачок: 1926–1929 – 4,88 %; 1929–1932 – 40,21 %; 1932–1937 – 4,57 % и 1937–1939 – 4,25 %. В целом за 1926–1939 гг. среднегодовой прирост составил 12,5 %. Это был наивысший показатель за всю историю Нижнего Тагила.

Вековая тенденция крайне замедленного увеличения численности тагильчан, действовавшая с 20-х гг. XIX в., была сломана. Если отвлечься от утомительных цифр, то произошедшее можно охарактеризовать так: за век со второй четверти XIX до начала второй четверти XX в. к существовавшему Тагилу прибавился ещё один, а за три предвоенных пятилетия к уже имеющемуся городу добавилось ещё три!

Причины этой метаморфозы – начало строительства гигантов тагильской индустрии – металлургического, коксохимического, огнеупорного и вагоностроительного заводов. Население Урала было достаточно редким, и найти рабочие руки на месте или привлечь их на новое место какими-то осязательными материальными благами из более населённых районов власть не могла. И она пошла по давно опробованному русской историей пути применения принудительного труда (вспомним времена Петра I). С начала 30-х гг. это

Таблица 1

Изменение численности населения Нижнего Тагила по районам в 1907–1919 гг.¹¹

Возрасты (части)	1907	1919	1919 и % к 1907
Нижне-Тагильская (1-я)	10 436	16 729	160,3
Вайско-Никольская (2-я и 5-я)	12 383	19 133	154,7
Троицко-Александровская (3-я и 4-я)	11 120	13 219	118,9
Итого по Нижнему Тагилу	33 939	49 101	144,7

были раскулаченные-спецпоселенцы, а затем и всё растущее число заключённых колоний ГУЛАГа. Многие крестьяне самостоятельно приезжали в Нижний Тагил, стремясь спастись в городе от ужасов «социалистического преобразования деревни», затеряться от безжалостных властей на его многочисленных строительных площадках. В спецпосёлках Уралвагонстроя (строительной организации, возводившей УВЗ) число раскулаченных возросло с января 1933 по март 1935 г. с 3,5 до 10 тыс. человек, составив весной 1935 г. треть населения Вагонки. Общее же число спецпоселенцев и заключённых колоний и тюрем в городе, по данным В.М.Кириллова, колебалось в 1932–1940 гг. от 10 до 21 тыс. человек. И в отдельные годы (например, в 1934-м) доходило до 14 % населения¹⁶. Иными словами, примерно каждый десятый тагильчанин в годы первых пятилеток попал в наш город не по своей воле. Такие перепады в численности населения существенно влияли на быт тагильчан.

Важнейшим элементом быта являются жилищные условия. По данным переписи 1920 г., в Нижнем Тагиле насчитывалось 7,5 тыс. жилых домов и 6,2 тыс. нежилых построек. Из них 12,7 тыс. составляли одноэтажные строения, 992 – двухэтажные и 14 – в три и более этажей. Военные действия, прокатившиеся через Нижний Тагил, не нанесли особого ущерба городу. Было уничтожено всего 17 строений.

В городе преобладали деревянные строения. Из 7791 городской квартиры 92,6 % располагались в деревянных домах, и только 5,1 % – в каменных (прочие – в домах из смешанных материалов). 29 квартир было расположено в подвальном этаже, 33 – в полуподвале, 6960 квартир – на первом этаже, 665 – на втором, 100 – на первом и втором этажах одновременно, и 4 – на третьем этаже. На каждую квартиру в среднем приходилось 1,4 комнаты. Населённость жилого фонда была следующей: на одну квартиру приходилось 4,7 жителя (по городам Екатеринбургской губернии – 4,9), на одну комнату – 3,4 (по губернии – 3,1). 66 % всех квартир Тагила имели кухню. Благоустройство жилого фонда было минимальным. 39,5 % квартир имели электрическое освещение, остальные обходились керосиновыми лампами, свечами и лучинами. 4,9 % квартир имели ватерклозет, 59,4 % – отхожее место простого устройства. Ни водопровода, ни канализации в городе не было. 99 владений в городе имели колодцы с питьевой водой, прочие 6090 владений пользовались общественными колодцами и брали воду из прудов и речек. Из коммунальных предприятий специальное обследование зафиксировало три пожарных части, ассенизационный обоз, лесопилку и похоронное

бюро. В этом отношении Нижний Тагил значительно уступал другим городам Екатеринбургской губернии¹⁸.

Жилищные условия тагильчан в годы нэпа можно назвать относительно благоприятными, особенно если их сравнивать с периодом форсированной индустриализации конца 1920-х – 30-х гг. Обеспеченность жилой площадью в Нижнем Тагиле была весьма высокой, ни один крупный город или завод Урала не мог сравниться в этом плане с ним. На жилищную ситуацию в городе в 20-е гг. влиял целый ряд факторов. Во-первых, в Нижнем Тагиле, подобно другим городам и посёлкам страны, происходило перераспределение жилого фонда. Добротные дома, принадлежавшие местным предпринимателям, крупным служащим, духовенству, в течение 20-х гг. были муниципализированы и использованы частично под учреждения, а частично – под жильё для рабочих. Во-вторых, военные действия в период гражданской войны, голод 1921–1922 гг. и другие социальные катаклизмы привели к сокращению жилого фонда. В 1923 г. по сравнению с 1920 г. число квартир в городе уменьшилось на 7 %, с 7791 до 7277. В 1923 г. 1303 квартиры (18 %) пустовали. Сократилось число жилых домов, причём лишь небольшая часть из них была разрушена, а большинство перешло в разряд нежилых построек¹⁹. К середине 20-х гг., по мере нормализации социально-экономической ситуации и восстановления численности населения, жилищный фонд был вновь плотно заселён.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Нижнем Тагиле 75 % рабочих и членов их семей проживали в собственных домах (по Уральской области этот показатель равнялся 59,7 %). Средний размер жилой площади, приходившейся на одного человека, составил в Нижнем Тагиле в 1926 г. около 6,4 кв. м, в том числе в семьях рабочих 5,8 кв. м (по Уральской области последний показатель равнялся всего 4,7 кв. м). Хотя по сравнению с другими городами Урала положение Нижнего Тагила было наиболее благоприятным, следует учесть, что и в нашем городе отставание от санитарных норм было велико. Предельно допустимая санитарно-гигиеническая норма жилищной обеспеченности в 20-е гг. составляла 8 кв. м на человека. В Нижнем Тагиле в 1926 г. такую

обеспеченность имели всего 18,9 % рабочих города и членов их семей (по Уральской области – 12,7 %), 43,6 % располагали от 4 до 8 кв. м на человека (по Уральской области – 37,4 %), прочие 37,3 % – до 4 кв. м (по области – 49,9 %) ²⁰.

Число новых зданий, построенных в городе в 20-е гг., было относительно невелико. В 1926–1927 гг. у горы Лисей был воздвигнут трёхэтажный набивной шлакоцементный дом. Это был, пожалуй, первый многоквартирный дом Нижнего Тагила. Позднее появились четырёхэтажное шлакоблочное здание школы ФЗО (позднее – здание индустриального техникума трудовых резервов), четырёхэтажный дом на Вые, городской банк, гостиница. В 1928 г. вошёл в эксплуатацию первый в городе Дом культуры железнодорожников и стадион.

Первое десятилетие советского Тагила, посвящённое в основном восстановлению и реконструкции существующих предприятий, не внесло заметных изменений в облик самого города. Те же «три конца» – кержацкие ключи, где жили рудокопы и углежоги; Выя, где с давних пор обосновались туляки-металлурги, завезённые первыми Демидовыми; да Гальянка, заселённая потомками бывших черниговских крепостных, занятых на золотоплатиновых приисках. В центре, в четвёртой части города, – булыжная мостовая, узкие деревянные тротуары и несколько двухэтажных зданий бывших купеческих особняков. В основном же в городе преобладали грязные немощёные ухабистые улицы, обрамлённые покосившимися от времени, вросшими в землю и закопчёнными деревянными избами²¹.

Революция 1917 г. и гражданская война отрицательно сказались на быте населения России в целом и Нижнего Тагила в частности. Постоянным спутником тагильчанина вплоть до начала 20-х гг. была галопирующая инфляция, которая значительно обесценивала заработную плату. Стандартный месячный потребительский набор из 24 предметов (используемый статистиками 20-х гг. для расчёта стоимости жизни) включал в себя следующие продукты (в фунтах): мука ржаная – 40, мука пшеничная – 20, крупа – 7,5; картофель – 40, капуста – 9, свёкла – 4,5; лук – 1, мясо (говядина) – 7,5; коровье масло – 1, масло растительное –

Таблица 2

Численность населения Нижнего Тагила (человек)¹⁷

Год	Численность населения	Год	Численность населения
1897	31 449	1926	38 820
1907	33 939	1928	42 705
1909	34 709	1929	46 788
1913	34 700	1931	59 483
1916	44 000	1932	117 700
1919	49 101	1933	126 000
1920	37 799	1937	147 136
1923	26 682	1939	159 869

Памятник Свободе. 1920-е гг.

1, рыба (сельдь) – 1,8; сахар-рафинад – 2, соль – 2, молоко – 12 бутылок и яйца – 6 штук. Кроме того, в него входили 2 аршина ситца, 6 фунтов керосина, 3 коробки спичек и некоторые другие промышленные товары. Стоимость такого набора в Нижнем Тагиле в 1913–1914 гг. (среднемесячная) составила 6 руб. 35 коп., в сентябре 1916 г. – 18 руб. 50 коп., в феврале 1917 г. – 29 руб. 30 коп., в мае 1918 г. – 115 руб. и в августе 1919 г. – свыше 340 руб. В июне 1921 г. стоимость бюджетного потребительского набора достигла астрономической суммы в 543 тыс. руб., а в декабре 1922 г. – 138 млн руб.²² Данные за 1918–1922 гг. относятся к Тагилу под властью красных.

Ситуация в Тагиле под властью белых была аналогичной. Цены на рынке в конце 1918 – первой половине 1919 г. также постоянно росли. Так, в декабре 1918 г. пуд пшеничной муки стоил 25 рублей, в феврале 1919 г. – 68–70 рублей, весной 1919 г. – уже 130 рублей. Между тем, месячный заработок рабочего на приисках составлял зимой 1919 г. около 450 рублей, учителя тагильских школ осенью 1918 г. имели оклад 400 рублей. Пианистка А.И.Шорина из кинотеатра «Иллюзия» получила за ноябрь 1918 г. 347 рублей, кассирша С.Ф.Дунаева – 173 рубля, контролёрши Калинина, Караваева, Лезова и Борисова – от 25 до 120 рублей (в зависимости от проработанных дней, исходя из месячного оклада 150 рублей). Оклад механика в этом кинотеатре составил 400 руб., скрипача – 300, афишера – 200 и полomoйки-истопницы – 150. В январе 1919 г. оклад смотрителя заводского театра В.А.Цыкина составил 400 рублей, сторожа А.Ф.Усова – 250 рублей. Следует учитывать, что безработица в «белом» Тагиле имела широчайшее распространение и твёрдый заработок имели далеко не все²³.

Уже в 1917 г. в городе начались трудности с обеспечением продовольствием и промышленными товарами. Летом 1917 г., как вспоминал позднее рабочий И.Г.Баранов, «выписки жалования затягивались. Промтовары неизвестно куда девались. Продовольственные управы работали никуда не годно». В конце 1917 г., по воспоминаниям другого тагильчанина И.М.Пылаева, «...продовольствием дело шло всё хуже и хуже... В декабре создалось тяжёлое положение: ни денег, ни хлеба и ни овса»²⁴.

В январе 1918 г. новый большевистский совет послал в Шадринск уполномоченных для закупки хлеба для населения. Однако продовольственные агенты во главе с рабочим Звонарёвым не выполнили задание, растратив народные деньги. Над городом нависла угроза голода. 16 января 1918 г. возмущённые тагильчане собрались на главной площади Нижнего Тагила перед памятником Свободе (переделанным из памятника Александру II), требуя выдачи им виновных. Митинг продолжался с обеда до ночи. Председатель совета Д.Н.Добрынин, выступая перед толпой, заявил, что не допустит самосуда, и незадачливые продагенты будут наказаны «законным порядком». Среди митингующих возникли слухи о намерении большевиков укрыть своих ставленников от ответственности. Часть толпы двинулась к зданию совета. Раздавались требования к большевикам, расписавшимся в собственной беспомощности, отдать власть другим. Красногвардейцы, охранявшие совет, начали стрелять залпами в воздух. Но несколько пуль попали в толпу. Пролилась кровь. Эти первые плоды большевистского правления оказались столь горькими, что ночью, не выдержав угрызений совести, Д.Н.Добрынин застрелился. Из Екатеринбургa в помощь тагильским боль-

шевикам был прислан вооружённый до зубов отряд матросов во главе с П.Д.Хохряковым. Несколько недель эти «агитаторы» вместе с местными вооружёнными большевиками «убеждали» тагильчан в правильности новой власти²⁵.

Постепенно власти удалось наладить хлебозаготовки. Сначала хлеб поставлялся из Шадринского уезда. С мая 1918 г., когда чехословацкое восстание привело к захвату белыми Зауралья, хлеб для Тагила стали заготавливать в Прикамье. За лето и начало осени 1918 г. там было заготовлено для Тагила 50 тыс. пудов муки.

С начала октября 1918 г. по середину июля 1919 г. Нижний Тагил находился под контролем белогвардейской администрации. Несмотря на смену властей, продовольственный вопрос по-прежнему оставался острым. Данные о питании населения за вторую половину 1919–1920 гг. свидетельствуют, что хотя массового голода не было, питание большинства тагильчан было скудным. Недоедание наиболее сильно проявлялось в весенне-летние месяцы, когда заканчивались запасы предыдущего урожая. Во второй половине 1921 – первой половине 1922 г. разразился настоящий голод, который унёс жизни нескольких тысяч горожан. Ситуация со снабжением рабочих Нижнего Тагила в это время была очень тяжёлой. Десятник Высокогорского рудника Иван Михайлович Пылаев вспоминал: «Горняки, на своей спине испытавши власть белых, очень дружно берутся за работу, хотя и голодны, разуты, раздеты... Горностаев Ефим Егорыч [председатель объединённого рудничного комитета – А.Е.] добыл немного муки и картофеля. Он

Председатель
Нижнетагильского совета
Д.Н.Добрынин.

Торговые заведения Нижнего Тагила в 1928 г.²⁷

Виды торговых заведений	Всего заведений	В том числе 2-6 разрядов	Товарооборот заведений 2-6 разрядов (тыс. руб.)	Оборот на 1 торговое заведение (тыс. руб.)
Государственные	15	15	3 084,3	205,6
Кооперативные	51	51	8 005,8	157,0
Частные	157	79	1 029,3	13,0
Всего	223	145	12 119,4	83,6

добыл также лаптей и ниток. Рабочие радуются, получают муку и тут же в заморе начинают печь лепёшки. Некоторые товарищи, надевая лапти, говорят: «Обути!». Фёдор Данилович Козьмин делит нитки для починки одежды. Он даёт конец нитки одному из товарищей, велит бежать до определённого места. Добежал – стоп, нитка обрывается, и товарищ получает её. Берётся следующий... Организуем свою столовую, варим суп. Если в суп ложат немного крупы и картофеля – считаем хорошим, а если в котёл попадает иной раз конина – очень хорошим»²⁶. Только хороший урожай 1922 г. положил конец жатве смерти.

По мере развёртывания новой экономической политики снабжение тагильчан улучшалось. На 1 апреля 1924 г. в городе действовало 221 торговое предприятие, в том числе 199 частных, 14 кооперативных и 8 государственных. По размерам товарооборота частные предприятия уступали и кооперативным, и государственным (соответственно 5,2 %, 44,9 % и 49,9 % за полугодие октябрь 1923 – март 1924 г.). Следует особо отметить роль кооперации. Члены потребительской кооперации получали при покупке значительную (до 10 % и выше) скидку. На 1 июля 1924 г. Нижнетагильское потребительское общество располагало в городе десятью лавками, а число активных пайщиков составляло 3922 человека (то есть каждый восьмой житель). Существенную роль играло и заводское снабжение. В 1928 г. в городе работали 157 частных лавок, 51 кооперативный и 15 государственных магазинов.

Питание населения значительно улучшилось. Данные по Екатеринбургской губернии свидетельствуют, что если в сентябре 1921 г. калорийность дневного рациона горожанина не превышала 2500 килокалорий, в период голода в феврале 1922 г. опустилась до 2200–2300 килокалорий, то с ноября 1922 г. она не опускалась ниже 3000–3100 килокалорий. Выбор продуктов и промышленных товаров в торговых лавках и магазинах был достаточно широким и доступным значительным слоям тагильчан. Так, при заработной плате рабочего Средне-Уральского металлургического треста (куда входил Нижнетагильский завод) в 1923/24 хозяйственном году в 291,96 золотых рубля (24,33 золотых руб. в месяц) средние базарные цены в этом году в Нижнем Тагиле были следующими: мука ржаная – 111 коп. за пуд, мука пшеничная – 187 коп. за пуд, картофель – 39 коп. за пуд, яйца – 49 коп. за десяток, масло топленое – 68 коп. за фунт, сахар-рафинад – 49 коп. за фунт, корова дойная – 86 руб., лошадь средняя крестьянская – 121 руб., соль – 3 коп. за фунт, керосин – 7 коп. за фунт, ситец – 45 коп. за аршин, сапоги – 14 руб. 90 коп. за пару²⁸. Сравнивая

начало и середину 20-х гг., штабелъщица Высокогорского железного рудника Авдотья Максимовна Андрейцева вспоминала: «В голодуху мы робили хорошо... Вот, бывало, в лавке навесят тебе фунт муки да щепотку соли. Голодному трудно робить, а робили... Уж очень мы трудно двадцать первый год пережили. Потом стало налаживаться. По мешку ржаной дали, мяса давали, материю давали. Проса по полпуда отпускали. Жить-то и пошла веселее...»²⁹.

Конечно, и в 20-е гг. были сложности. В сводках ОГПУ летом 1924 г. отмечалось, что зарплату на Нижнетагильском заводе выдали с задержкой в 4 месяца (в июле – только за апрель). В феврале 1926 г. в Тагиле произошли волнения завербованных на лесозаготовки рабочих из Белоруссии. Поводом для них послужило грубое нарушение руководством Нижнетагильского металлургического своих обязательств (несвоевременно выдавались продукты, к тому же недоброкачественные, не выдана спецодежда, не оказывалась медицинская помощь больным и т.п.). В октябре 1926 г. в Тагиле, как и в других районах Урала, имели место очередные продовольственные затруднения. Как отмечалось в сводке ОГПУ за сентябрь 1926 г., рабочие «снабжались мукой с большими перебоями» и «в крайне недостаточном количестве». Это привело к росту прогулов, поскольку многие рабочие пытались решить продовольственную проблему самостоятельно, а также к «распространению всякого рода панических слу-

хов и усилению антисоветской пропаганды»³⁰.

Тяжелейшие испытания революции и гражданской войны сказались на качестве одежды населения. В 1917 – начале 20-х гг. оно вынуждено было пользоваться старыми запасами. При нехватке промышленных товаров в качестве материала женщины использовали мешковину, которая шла на юбки. Кофточки шили из марли. Значительная часть одежды была обменена на продукты питания на рынке. Ещё хуже было положение с обувью. Её плели из полос ткани и верёвок, шили из парусины. Выручали и лапти, которые в особо торжественных случаях (например, к свадьбе) окрашивали ваксой в чёрный цвет.

По мере развития нэпа положение с промышленными товарами заметно улучшилось. Появились добротные шерстяные и хлопчатобумажные ткани, обувь. Оживилась деятельность частных портных, которые изготовляли верхнюю одежду и платье по журналам мод. Происходили изменения во внешнем облике и костюме молодёжи. Косovorotka стала принадлежностью лишь будничной, рабочей одежды, в праздники под костюм надевали сорочку с манжетами и носили её с галстуком или надевали манишку. Основным видом обуви по-прежнему оставались сапоги – хромовые, шевровые и, подешевле, – яловые, брюки чаще продолжали носить заправленными в сапоги и резе – навыпуск.

Новшеством в 20-е гг. стало значительное распространение одежды военного покроя. Её носили не только

Первые деревянные бараки строителей тагильских индустриальных гигантов. Начало 1930-х гг.

Внутренний вид барака первых «тагилстроевцев». Март 1931 г.

бывшие военнослужащие и работники тех учреждений, где она была обязательной, но и значительно более широкие слои населения. Особой популярностью пользовались френчи и галлифе. Иногда их специально шили из подходящего материала. Кожаная одежда – куртки и брюки – стала отличительным признаком руководящих партийных и советских работников³¹.

Как справедливо заметила Е.А.Осокина, «...не стоит идеализовать нэп. Он не стал золотым веком ни для города, ни для деревни... Не изобилие, а относительное благополучие – островок между разрухой гражданской войны и голодной жизнью первой пятилетки – вот чем был нэп»³².

С началом так называемой «сталинской модернизации», с переходом к форсированной индустриализации и сплошной коллективизации, материально-бытовое положение тагильчан резко ухудшилось. Сооружение гигантов тагильской промышленности началось в 1931 г. Первые строители Новотагильского металлургического завода располагались в палаточном городке. Только в марте 1931 г. (спустя три месяца после начала строительства) был

сооружён первый барак для строителей НТМЗ, а затем началась застройка двух новых барачных посёлков. Работавшая на строительстве огнеупорного завода Н.Я.Новосёлова вспоминала: «В конце лета 1931 г. нас перевели на Огнеупорстрой. Вначале жили в палатках, рубили лес, пеньки динамитом рвали. Ямы потом водой заполнялись, мы её использовали для питья, стирки белья. Осенью, когда наступили холода, нас перевели из палаток в бараки... В общем, очень неустроенной была тогда наша жизнь. Рабочие со стройки уходили и уезжали туда, где получше». Барачный городок был перенаселён. Дощатые стены, между которыми были засыпаны опилки, плохо спасали от холодной уральской зимы. Инженер Н.С.Боташев так описывал изменения в облике города, произошедшие после начала сооружения НТМЗ: «Появились посёлки: Первая площадка, Вторая площадка, Центральный, Технический. Посёлки были разбросаны по контуру будущего завода, часть из них была прямо в лесу. На Второй площадке начали строить одновременно 102 барака, примерно столько же было и на Первой площадке, по речке Вязов-

ке... За железной дорогой вырос палаточный городок»³³.

Жилой фонд Новотагильского завода и его спутников – коксохимического и огнеупорного заводов – постепенно рос, но и в начале 1940 г. жильё на Техпосёлке (где проживала основная масса строителей и эксплуатационников) состояло из нескольких брусковых домов и множества барачков. При входе в барачный коридор обычно располагалась большая печка, на которой сушили одежду и обувь. Вплоть до самого конца 30-х гг. бараки не делились на комнаты, а представляли собой сплошные ряды нар по обе стороны коридора или железных коек, застеленных соломенными матрацами. Семьи, проживающие в таких жилищах, в лучшем случае отгораживались кусками ткани, но часто и этого не было³⁴.

Аналогичными оказались и жилищные проблемы первостроителей Уралвагонзавода. Нижний Тагил был перенаселён, разместить их всех в старой части города не удалось. Поэтому было занято много пустых домов, имевшихся в соседней Салке. Туда два раза в день курсировал трудовой поезд. На самой площадке и технический персонал, и рабочие жили сначала в шалашах. Затем появился палаточный городок. Наконец перешли к сооружению барачков. К началу 1932 г. было сдано 2690 кв. м жилой площади. Этого было явно недостаточно, и жилищный вопрос резко обострился.

Зиму 1931–1932 гг. вагоностроители провели в тяжёлых условиях. Большая часть работавших жила в Салке и Нижнем Тагиле, и поэтому ежедневно люди тратили по 6–7 часов на переезды, мёрзли в дороге. А те, кто жил в холодных бараках на площадке, простывали ночью. Временный водопровод от Малой Кушвы несколько раз за зиму замерзал, часто оставляя площадку вовсе без воды. В этот период строительные работы также заключались, главным образом, в постройке барачков и 8-квартирных стандартных домов. На 1 января 1933 г. весь жилой фонд площадки Уралвагонстроя составлял 48 тыс. кв. м. В центральном посёлке было заселено 35 каркасных барачков, 23 фанерных, 33 щитовых, 4 брусковых дома и 9 так называемых домов «РД» – одного из типов стандартного дома. В посёлке № 3 были 21 каркасный и 24 фанерных барака и на Красном бору – 9 каркасных барачков и один дом «РД».

Качество строительства было низким. «Утепление было сделано не везде и кое-как, – оценивал ситуацию Д.Н.Лоренцо. – Между тем зима выдалась очень суровой – морозы достигали сорока градусов. На площадке не было квартиры, где бы ночью не замерзала в вёдрах вода. Однажды главный инженер строительства задремал за чаем, а проснувшись, с разочарованием увидел в стакане лёд. По утрам ча-

Посёлок Нижнетагильского коксохимзавода. 1930-е гг.

сто воды не было даже чтобы умыться, а если и была, то её надо было разогреть. В бараках-общежитиях печки-временки топились круглые сутки, для чего были выделены специальные источники. Чтобы согреться, люди в бараках, часто недостроенных, ложились на нары прямо в одежде и тесно прижимались друг к другу, чтобы согреться. С наступлением вечера площадка погружалась в темноту. Электрическое освещение имелось в очень немногих домах»³⁶.

Прирост жилого фонда УВЗ составил (в тыс. кв. м): за 1934 г. – 60,8, за 1935 – 42,5. Однако это не означало систематического улучшения жилищных условий работников Уралвагонстроя и Уральского вагоностроительного завода. Хотя с 1936 по 1938 гг. жилая площадь УВЗ выросла более чем в 6 раз, обеспеченность жильём снизилась соответственно с 4,5 до 3,9 кв. м на каждого члена семьи рабочих. Три четверти домов завода были брускового и барачного типа, без водопровода, канализации и отопления. Тем не менее Вагонка росла, превращаясь в новый крупный район города. В начале 1937 г. её население достигло 60 тыс. человек (около 41 % жителей Нижнего Тагила). На 23 новых улицах посёлка вагоностроителей располагалось 600 домов. К началу 1941 г. жилой фонд УВЗ достиг 164 тыс. кв. м., около 58 % его состояло из постоянного жилья и 42 % – из бараков³⁷.

На архитектуре и пространственном расположении жилых районов города крайне отрицательно сказалась ведомственность первых пятилеток. Заводы Нижнего Тагила проектировались различными проектными организациями Москвы, Харькова и Ленинграда. Новые заводские посёлки также разрабатывались архитекторами первой и второй столиц страны. Рассогласованность действий проектировщиков сказалась на не совсем удачном расположении жилых кварталов (например, Вагонка, попала в зону господствующих ветров со стороны Новотагильского металлургического и коксохимического заводов). Попытки привлечь к проектированию города силы лучших архитекторов страны дали лишь частичные результаты. Проекты жилых районов Красного Камня, «Ключики» и Вагонстроя, в разработке которых принимали участие известные советские архитекторы 30-х гг. М.Я.Гинзбург и И.И.Леонидов, так и не были реализованы. Дело ограничилось сооружением отдельных домов на Красном Камне и в Дзержинском районе.

Реализации грандиозных проектов 30-х гг. помешала не только война. Работа архитекторов велась разрозненно, координация деятельности различных архитектурных коллективов длительное время отсутствовала.

Строительство трамвайных путей в Нижнем Тагиле. 1936 г.

Только в 1936 г. был утверждён окончательный вариант генплана Нижнего Тагила, а ещё спустя три года в городе организована первая проектная мастерская под руководством И.А.Комшилова для согласования проектов столичных архитектурных мэтров. Однако сколько-нибудь крупного вклада в развитие городской архитектуры это учреждение не внесло, а в годы войны его деятельность прекратилась. В том же 1939 г. после длительных обсуждений правительство страны окончательно утвердило схему планировки Нижнего Тагила. В ней печально констатировалось фактическое наличие двух отдельных городов («существующего Тагила и посёлка Вагонстроя»)³⁸.

Хотя к концу 30-х гг. в городе возникло уже немало новых жилых районов – на Уралвагонзаводе, руднике имени III Интернационала, техникум металлургов, посёлки ТЭЦ, Красный бор, Валегин бор, Смычка, Красный Камень, Лебяжка и другие, они не удовлетворяли нужд города. При росте населения Нижнего Тагила за три первые пятилетки в четыре раза жилой фонд города вырос только в 2,6 раза. Поэтому уровень обеспеченности жилой площадью, характерный для

Нижнего Тагила первой четверти XX в., в годы первой пятилетки упал в 2,6 раза. Хотя с начала второй пятилетки он вновь стал увеличиваться, прежних размеров ему суждено было достичь только в первой половине 1960-х гг. Общий уровень благоустройства тагильского жилья был минимальным. Только электрическим освещением пользовался почти каждый тагильчанин. Водопроводом, канализацией и центральным отоплением было оснащено всего 6–8 % жилой площади (см. табл. 5, 6).

Несмотря на ограниченность денежных средств, выделяемых на социальное развитие, происходят некоторые сдвиги в транспортной инфраструктуре города. В 1934 г. начинается строительство городского трамвая, и в 1937 г. он был пущен в эксплуатацию. Движение первоначально проходило по трём линиям, протяжённостью 5,1 км, которые обслуживались 16 вагонами. Всего за 1937 г. было перевезено 3,2 млн пассажиров, иными словами, каждый тагильчанин совершил за год всего 21 поездку. В 1940 г. протяжённость трамвайных путей увеличилась до 17,5 км. Был открыт новый протяжённый маршрут Уралвагонзавод – центр города. Число перевезён-

Таблица 4
Жилой фонд некоторых строительных и металлургических предприятий Нижнего Тагила на 1 января 1940 г.³⁵

Предприятие или организация	Весь жилой фонд (кв. м)	В том числе в %		Из всего жилого фонда оборудовано (в %)			
		Жилые дома	Бараки	Водопроводом	Канализацией	Центральным отоплением	Электросвещением
Коксохимстрой	16 754	–	100,0	11,0	10,3	–	100,0
Тагилстрой	57 689	2,9	97,1	1,3	–	1,3	100,0
Высовогорское РУ	21 098	55,3	44,7	9,4	9,4	–	100,0
Завод им. Куйбышева	10 885	58,6	41,4	–	–	6,3	100,0
Оттепучный завод	14 053	38,3	61,7	–	–	–	100,0
Новотагильский завод металлургический	34 058	66,2	33,8	38,2	38,2	23,7	100,0

Трамвайное кольцо на ул. Ленина. Конец 1930-х гг.

ных трамваем пассажиров возросло до 15 млн, а число поездок на одного жителя – до 83. Новый вид городского транспорта постепенно становился важнейшим средством передвижения, вытесняя традиционных извозчиков. В 1933 г. на средства промышленных предприятий Нижнего Тагила было организовано автобусное сообщение по маршруту: Уралвагонстрой – Металлургический завод имени Куйбышева – Рудник имени III Интернационала. В 1938 г. автобусный парк города состоял из 29 машин. Однако, в отличие от трамвайного, автобусное сообщение было крайне нерегулярным, кроме того, автобусы обслуживали лишь работников «своих» предприятий. В крайнем случае можно было воспользоваться услугами попутной грузовой машины (легковых было очень мало и

ездило в них главным образом начальство)⁴¹.

Значительный рост населения, приток на стройки и предприятия города десятков тысяч новых людей в годы «сталинской модернизации» резко обострили бытовые проблемы в Тагиле. Главным для партии было производство, люди же всегда оставались на втором плане. В конце 20-х гг. Нижний Тагил, подобно всем городам страны, вновь переходит на карточную систему. Торговля (впервые в мирное время) заменяется распределением.

Карточная система, действовавшая до 1935 г., не позволяла обеспечить все потребности тагильчан. Горожане были прикреплены к строго определенным распределителям, где они отоваривались. Как правило, полнотью государство отоваривало

только хлебную пайку. Например, бурильщику Высокогорского железного рудника, снабжавшемуся по первому списку, полагался на месяц пуд муки. Прочие продукты (не говоря уже о промышленных товарах) люди порой не видели месяцами. Для начальства и для иностранных специалистов, работавших по контрактам зарубежных фирм, были особые магазины-распределители и столовые, располагавшие широким выбором товаров и продуктов. Снабжение основной массы тагильчан было скудным. В наиболее тяжёлом положении оказались спецпереселенцы, которые нередко ходили по помойным ямам и собирали отбросы.

На эти общие трудности накладывались проблемы новых жилых посёлков стремительно растущего города. Материально-бытовое обеспечение населения новых посёлков приходилось организовывать практически с нуля. Так, отдел рабочего снабжения Уралвагонстроя (ОРС УВС) имел в первой половине 30-х гг. крайне скудную собственную продуктовую базу. Он был не в состоянии даже наладить снабжение продуктами, поступавшими на строительство в счёт выделявшихся фондов. Не лучшим было положение и на Тагилстрое. Например, зимой в магазинах-распределителях хлеб приходилось не резать ножом, отмеряя очередную пайку, а подчас пилить пилой. Лишь после увеличения оборотных средств ОРСов Тагилстроя и Уралвагонстроя после второго приезда Г.К.Орджоникидзе удалось завершить постройку ряда магазинов, овощехранилищ и баз. Вообще нарком обожал выступать в роли доброго Деда Мороза. Директор Высокогорского железного рудника А.А.Давыдов вспоминал, что при посещении предприятия в 1933 г. нарком узнал, что ВЖР сработал с большой прибылью. Обрадованный Орджоникидзе разрешил 50 процентов сэкономленных средств израсходовать на рудничные надобности. Благодаря этому гора Высокая смогла израсходовать 350 тысяч рублей на собственную продовольственную базу, на благоустройство рабочих квартир, на ясли и детсады. Это сильно помогло улучшению бытовых условий рабочих и ИТР⁴².

Таблица 5

Рост населения и застройки Нижнего Тагила³⁹

Год	Население, тыс. человек	Общая площадь жилых домов, тыс. кв. м		Количество домов	Общая площадь на одного жителя, кв. м
1916	44,0	240,0	–	–	5,1
1920	37,8	198,0	6 224	–	5,2
1926	38,8	246,7	7 388	–	6,4
1932	136,0	330,9	8 462	–	2,5
1940	172,5	691,7	–	–	4,0

Таблица 6

Благоустройство жилищного фонда Нижнего Тагила (по состоянию на 1 января 1941 г.)⁴⁰

Виды благоустройства	Общественный фонд		Индивидуальный фонд		Весь фонд	
	кв. м	%	кв. м	%	кв. м	%
Весь жилой фонд	493 182	100,0	198 506	100,0	691 688	100,0
В том числе оборудованный						
Водопроводом	56 338	11,4	8	0,0	56 346	8,1
Канализацией	50 273	10,2	–	–	50 273	7,3
Центральным отоплением	44 698	9,1	–	–	44 698	6,5
Электрическим освещением	478 096	96,9	194 736	98,1	672 832	97,3

На Уралвагонзаводе уже в июне 1931 г. приступили к постройке столовой, которую сдавали в эксплуатацию частями: сначала отделение для приготовления пищи, затем не обшитый с боков вплоть до поздней осени навес – «обеденный зал». К годовщине революции на площадке был введён барак, в котором располагался закрытый рабочий кооператив – первый магазин Вагонки. Другим новшеством стала первая коммунальная баня, пропускавшая в смену 30–50 человек, в зависимости от подачи воды, которую перво-

начально доставляли лошадьми в бочках.

Очень плохо работала сеть Нарпита на Уралвагонстрое. Даже в «литерной» столовой на второе блюдо обычно давали кашу из сечки, которая так готовилась, что имела крайне неприглядный вид. Положение в начале 1933 г. стало столь напряжённым, что потребовалось специальное постановление Уралобкома ВКП(б) об улучшении бытовых условий вагоностроителей. Часть строителей были вынуждены снять с промышленных объектов и перебросить на культурно-бытовое строительство⁴³. Ситуация на других городских новостройках была не лучше вагонской.

В 1932–1933 гг. Нижний Тагил оказался во власти голода, охватившего всю страну. Распространение неизбежной спутницы голода – цинги – было столь значительным, что в июне 1932 г. городские власти запросили у областных экстренные поставки щавеля, картофеля, квашеной капусты, свёклы, моркови, ревеня, гороха.

Помимо карточек людей выручали свои огороды, скот и птица, но их держали в основном те, кто жил в собственных домах. Преимущественно это были жители старой части города, работавшие на возникших ещё до революции предприятиях. Так, например, в апреле-мае 1929 г., по данным переписи рабочих промышленности, около 21 % рабочих Высокогорского рудника имели посеы, около 52 % – покосы, 56 % – огород, около 52 % – коров и около 43 % – рабочий скот. В 1934 г. на Нижнетагильском металлургическом заводе из 8954 семей работающих 2500 (27,9 %) располагали собственными огородами. Число рабочих, имеющих личное подсобное хозяйство на новых предприятиях города (УВЗ, Новотагильском металлургическом заводе и других), было значительно меньше⁴⁴.

Другим подспорьем был рынок. Но географическое положение Нижнего Тагила, меньшая развитость сельского хозяйства в северных районах Свердловской области обусловили относительно небольшие объёмы продаж на рынках города. Руководство областной торговли совершенно справедливо включало Тагил «в города с ослабленным базарным привозом»⁴⁵. В расчёте на душу населения в Нижнем Тагиле продавалось в несколько раз меньше хлебных продуктов, мяса, животного масла, яиц, чем в большинстве других городов Урала.

Рыночные цены на продовольственную продукцию были более высокими, чем на продукты в сети нормированного снабжения. В голодном 1933 г. при среднемесячной заработной плате тагильских рабочих в 100–200 руб. рыночные цены в городе колебались в следующих пределах (за 1 кг):

Автобусы в Нижнем Тагиле. 1930-е гг.

ржаная мука (появлялась в продаже только эпизодически) – 7,5–14 руб., говядина – 13–20 руб., картофель – 1,8–3 руб. Литр молока стоил от 3 до 5 руб., а десяток яиц – 9–15 руб. К тому же нужно добавить, что открытая продажа муки на рынках города была чрезвычайно редкой. Как отмечал информатор Тагильского городского финансового отдела Бурдаков, «...мучной подвоз совершенно отсутствует, бывает мука, которую до рынка не доносят и продают таковую где-нибудь за углом или в стороне. Спрос на муку и другие продукты очень огромный, так как именуются перебои в плановом снабжении рабочих и служащих». Спрос в огромной мере превышал предложение, поэтому «какие бы продукты питания на рынок не вывозились, всё покупается быстро», «реализуются так быстро, что всегда наблюдаются очереди у продуктов»⁴⁷.

По мере постепенного улучшения экономической ситуации во второй и третьей пятилетках происходил рост продаж на рынках Нижнего Тагила, и рыночные продукты становились более доступными тагильчанам. В 1940 г. среднемесячная заработная плата рабочего на Нижнетагильском коксохимическом, Новотагильском металлургическом и Уральском вагоностроительном заводах составляла соответственно 408, 407 и 442 рубля. Средние же цены на рынках города на 25 января 1940 и 1941 гг. были следующими (руб. за кг): мука ржаная – 3,1; картофель – 1,2; говядина – 16 и 23; свинина 25 и 27. Литр молока стоил 4 руб., а десяток яиц соответственно 12 и 16 руб.⁴⁸

Особенно тяжёлым в 30-е гг. было положение с промышленными товарами. Одежда, обувь, мебель и домашняя утварь стали настолько дефицитными, что ими часто награждали пе-

Жительница Нижнего Тагила с коровой тагильской породы – призёром сельскохозяйственной выставки. 1920–30-е гг.

На эстакаде подъёмников Высокогорского железного рудника.
1934 г. Фото В.С.Соловьёва.

редовиков производства в качестве высшей награды. Большинство тагильчан в 30-е гг. одевалось очень скромно. Так, например, известный тагильский журналист Ю.П.Злыгостев, составитель и литографчик книги «Были горы Высокой», в 1930 г. предстал перед рабкором Григорием Быковым в таком виде: «Я взглянул на его ботинки и засмеялся: большие были, стоптанные и носки кверху загнуты, ровно елевый сук в погоду хорошую. Ну, и брючишки на нём не пряткие». Как показало одно из ретроспективных исследований уральских социологов, факт приобретения первого выходного костюма в жизни людей 30-х гг. был одним из самых важных событий в жизни. Ветераны (спустя 40 лет) без особых усилий вспоминали год и месяц его появления, цвет, материал и даже те чувства, которые они при этом испытывали⁵⁰.

В 1935 г. карточная система в снабжении была отменена. Постепенно росло количество торговых заведений города. В 1940 г. в Нижнем Тагиле работало 223 розничных магазина, 83 ларька, более 80 столовых и буфетов. Розничный товарооборот торговли в этом году составил 277 млн руб., а общественного питания – 46 млн руб. К концу 30-х гг. материально-бытовое положение горожан немного улучшилось. В продаже стали появляться новые товары – электроплитки, электроутюги, патефоны, радиоприёмники, электрочайники. Правда, количество их было крайне невелико, и для большинства горожан они оставались экзотикой.

Но и во второй половине 30-х гг. нередко возникали перебои со снабжением населения отдельными товарами.

Один из таких кризисов разразился в конце 1936 – начале 1937 г. Перебои в снабжении населения хлебом привели к огромным очередям. Специально посланный в Свердловскую область с проверкой работник Наркомата внутренней торговли СССР Хохлов в феврале 1937 г. констатировал: «Надо отметить, что не только в Свердловске имеют место очереди за хлебом, таковые ещё в большем размере мне пришлось наблюдать в Тагиле, там идя с вокзала в город в 4 часа ночи на улицах около хлебных магазинов были очереди от 200 до 250 человек»⁵¹.

Ещё более чудовищный кризис разразился в начале 1940 г. Тагильчанка Прасковья Степановна Клементьева, мать двух детей 9 месяцев и 3,5 лет в отчаянии писала И.В.Сталину: «Кормить ребёнка совершенно нечем. Раньше хотя при консультации работала молочная кухня. Теперь она закрыта. Готовить не из чего. Все магазины пустые, за исключением в небольшом количестве селёдка, изредка если появится колбаса, то в драку. Иногда до того давка в магазине, что выносят людей в бессознательности. Иосиф Виссарионович, что-то прямо страшное началось. Хлеба, и то, надо идти в 2 часа ночи стоять до 6 утра и получить 2 кг ржаного хлеба, белого достать очень трудно. Я уже не говорю за людей, но скажу за себя, я настолько уже истощала, что не знаю, что будет дальше со мной. Очень стала слабая, целый день соль с хлебом и водой, а ребёнок только на одной груди, молока нигде не достанешь. Если кто вынесет, очередь – не подступиться. Мясо самое нехорошее – 15 руб., получше – 24 руб. у колхозников. Вот как хочешь – так и живи». Почти одновременно с

письмом П.С.Клементьевой в ЦК ВКП(б) поступили письма тагильских коммунистов – учителя школы № 29 И.Н.Фролова и журналиста «Тагильского рабочего» С.Мелентьева. Более информированный Мелентьев привёл убийственные факты диких очередей, гибели скота в личных подсобных хозяйствах тагильчан⁵². Результатом таких кризисов стало стихийное введение распределительной системы вновь, хотя она и не признавалась официально властями.

Таким образом, материально-бытовое положение тагильчан в 1917 – начале 1941 г. сильно зависело от политических процессов в стране. Дважды – в годы гражданской войны и годов 1921–1922 гг. и в период «сталинской модернизации» 30-х гг. – жизненные условия горожан ухудшались настолько, что часто ставили их на грань выживания.

Примечания:

¹ См., например: Нижний Тагил. 2-е изд. Свердловск, 1964. С. 277; 4-е изд. Свердловск, 1977. С. 150–151; Крупянская В.Ю. и др. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917–1970). М., 1974. С. 13; и др.

² Города России: Энциклопедия. М., 1994. С. 8. Кстати, во всех этих городах, кроме Нижнего Тагила, годом получения статуса города назван 1917 г.

³ См.: Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 48. Некоторые сомнения вызывает упоминание Алапаевского завода. Алапаевск получил статус города ещё в 1781 г. В начале XX в. имел статус заштатного города.

⁴ Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. 404. Оп. 1. Д. 4. Л. 12, 133.

⁵ См.: Свердловская область: Административно-территориальное деление на 1 января 1987 года. Свердловск, 1987. С. 4.

⁶ Рождественская К. Краткая летопись Нижнего Тагила // Нижний Тагил. Свердловск, 1945. С. 226; Россия: Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 5. СПб., 1914. С. 405.

⁷ Рассчитано по данным: Нарский И.В. Указ. соч. С. 125, 141.

⁸ Труды государственной комиссии по электрификации России ГОЭЛРО. Материалы по электрификации отдельных районов. М., 1964. С. 139; Нижний Тагил – из прошлого в будущее: История, перспектива застройки. Нижний Тагил, 1999. С. 26. Ближайшие данные приводит в своих воспоминаниях и известный тагильский краевед И.А.Орлов. По его утверждениям население Нижнего Тагила перед событиями 1917 г. насчитывало более 45 тыс. человек. См.: Орлов И.А. Вспоминая торговлю в Нижнем Тагиле // Уральская старина. Вып. 1. Екатеринбург, 1994. С. 85.

⁹ НТГИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 1. Л. 160, 205. Уже к лету 1917 г. в Нижнем Тагиле проживала довольно многочисленная польская диаспора, которой не было до 1914 г. См.:

Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. М., 1987. С. 410.

¹⁰ Так, в одном из типичных объявлений, данных Нижнетагильской волостной управой, сообщалось, что 34 рабочих-беженца из Ижевского завода «ищут себе нанятия». Перечислялись их имена и фамилии, указывались специальности (НТГИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 1. Л. 127).

¹¹ Нижний Тагил. Свердловск, 1945. С. 226; НТГИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 13. Л. 302. Вместе с окрестными деревнями Горбуново и Фатеево население Нижнего Тагила в марте 1919 г. составляло 50 592 человека.

¹² Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 год. Екатеринбург, 1923. С. 20, 32; НТГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 об.-2.

¹³ Статистический справочник Тагильского округа Уральской области. Нижний Тагил, 1929. С. 18–19.

¹⁴ НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 35. Л. 82; Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. Свердловск, 1933. С. 286–287, 295; Статистический справочник Тагильского округа Уральской области. Нижний Тагил, 1929. С. 18–19, 26–27.

¹⁵ Свердловская область в цифрах. Краткий стат. справочник. Свердловск, 1936. С. 155; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. Сборник материалов. Екатеринбург, 2002. С. 327.

¹⁶ Дзержинский район: годы и люди. Екатеринбург, 2003. С. 16; Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е – начало 50-х гг. Ч. II. Нижний Тагил, 1996. С. 233–235.

¹⁷ Составлено по данным: Анимича Е.Г. Города Среднего Урала. Свердловск, 1983. С. 104; Крупянская В.Ю., Полищук Н.С., Юхнева Н.В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917–1970). М., 1974. С. 21; Нижний Тагил. Свердловск, 1945. С. 222, 226, 231–232; Нижний Тагил. Изд. 3-е. Свердловск, 1971. С. 23, 190; Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. Свердловск, 1933. С. 286–287, 295; НТГИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 26. Л. 79; Свердловская область в цифрах. Краткий стат. справочник. Свердловск, 1936. С. 155; Статистический справочник Тагильского округа Уральской области. Нижний Тагил, 1929. С. 18–19, 26–27.

¹⁸ Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 год. Екатеринбург, 1923. С. 36.

¹⁹ Уральский статистический ежегодник. 1923–24 г. Свердловск, 1925. С. 135.

²⁰ Гаврилов Д.В. О жилищных условиях уральских рабочих в конце XIX – начале XX в. // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма (1861–1917 гг.). Свердловск, 1990. С. 52–56.

²¹ Нижний Тагил. 2-е изд. Свердловск, 1964. С. 179.

²² Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 год. Екатеринбург, 1923. С. 56.

²³ Ермаков А.В. Социально-экономические процессы в Нижнем Тагиле под властью белых // Учёные записки НТГПИ. Т. 2. Ч. 2. Нижний Тагил, 2002. С. 73.

²⁴ Были горы Высокой. 3-изд. Свердловск, 1960. С. 178, 181.

²⁵ Были горы Высокой. С. 184–185; Плотников Н.Ф. Большевики горнозаводского

Урала в трёх революциях. Свердловск, 1990. С. 96–97.

²⁶ Ермаков А.В. Указ. соч. С. 73; Были горы Высокой. С. 243.

²⁷ Статистический справочник Тагильского округа Уральской области. Нижний Тагил, 1929. С. 62–63.

²⁸ Уральский статистический ежегодник. 1923–24 г. Свердловск, 1925. С. 74.

²⁹ Были горы Высокой. С. 233–234.

³⁰ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 2. М., 2001. С. 129; Т. 4. Ч. 1. М., 2001. С. 129; Т. 4. Ч. 2. М., 2001. С. 626.

³¹ Крупянская В.Ю., Полищук Н.С., Юхнева Н.В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917–1970). М., 1974. С. 235–237.

³² Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1997. С. 37.

³³ Цит. по: Васютинский В.Ф. Хранители «старого соболя». История трудового коллектива Нижнетагильского металлургического комбината. Свердловск, 1990. С. 111.

³⁴ Там же. С. 124.

³⁵ НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 31. Л. 9.

³⁶ Лоренцо Д.Н. Уральский вагоностроительный завод. М.; Свердловск, 1961. С. 49, 51, 57–58.

³⁷ Лоренцо Д.Н. Указ. соч. С. 106; НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 214. Л. 43.

³⁸ Журавлёва В.А., Ковалёва А.А. О генеральных планах строительства уральских городов в 1930-е годы // Урал в прошлом и настоящем. Ч. I. Екатеринбург, 1998. С. 415–416; Нижний Тагил. Екатеринбург, 1997. С. 76, 123; Нижний Тагил – из прошлого в будущее: История, перспектива застройки. Нижний Тагил, 1999. С. 17.

³⁹ Нижний Тагил – из прошлого в будущее: История развития, перспектива застройки. С. 26; Бакунин А.В., Цибульникова В.А. Градостроительство на Урале в период индустриализации. Свердловск, 1989. С. 34.

⁴⁰ НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 31. Л. 15–15 об.; Д. 55. Л. 16.

⁴¹ Там же. Ф. 70. Оп. 2. Д. 499. Л. 12, 146; Маслов С. Самый народный и... бесплатный // Горный край. 2002. 28 февраля.

⁴² Были горы Высокой. С. 364.

⁴³ Лоренцо Д.Н. Указ. соч. С. 51, 58.

⁴⁴ История индустриализации Урала (1926–1932 гг.). Свердловск, 1967. С. 359; Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург, 1991. С. 59, 71.

⁴⁵ Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы. Т. 2. Екатеринбург, 2000. С. 175.

⁴⁶ Подсчитано по данным: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 35. Д. 167в. Л. 25–26; Всесоюзная перепись населения 1937 года. Краткие итоги. М., 1991. С. 63–65.

⁴⁷ НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 13. Л. 18–18 об., 19 об., 37 об., 40–40 об., 46 об., 63–63 об., 76–76 об., 81–82, 94–94 об., 119–119 об., 127–127 об., 140–140 об.

⁴⁸ Денисевич М.Н. Указ. соч. С. 179, 180; Антуфьев А.А. Материальное состояние рабочего класса Урала в годы Великой Отечественной войны // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма 1937–1975. Свердловск, 1981. С. 85.

⁴⁹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 35. Д. 167в. Л. 26; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 13. Л. 19, 37, 46, 62, 64 об., 82 об., 95 об., 100 об., 117 об., 120 об., 124 об., 134 об., 141 об.

⁵⁰ Были горы Высокой. С. 393; Коган Л.Н., Павлов Б.С. Молодой рабочий: вчера, сегодня. Опыт социологического исследования образа жизни молодых рабочих 30-х и 70-х годов. На материалах Урала. Свердловск, 1976. С. 73.

⁵¹ Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы. Т. 2. С. 169.

⁵² Кризис снабжения 1939–1941 гг. в письмах советских людей // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 8–9, 11–13.

В

Ул. Ленина. Конец 1930-х гг.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТАГИЛЬЧАН ПРОДОВОЛЬСТВОМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война стала временем тяжелейших испытаний для нашей страны. Жизнь людей даже в таком удалённом от фронта городе, как Нижний Тагил, была полна тягот и трудностей. Одной из самых сложных проблем военного времени стал продовольственный вопрос. 15 августа 1941 г. в городах Урала была введена карточная система на хлеб, а с 1 ноября – на сахар, крупяные изделия, мясо, рыбу и жиры. Работающие получали карточки по месту работы, а иждивенцы – в домоуправлениях. Самыми большими были нормы питания для рабочих и ИТР первой категории (занятые в оборонной, химической, металлургической и ряде других отраслей промышленности, а также на важнейших стройках). Самая большая хлебная пайка – 1000 г в день – была введена для рабочих и ИТР первой категории, занятых на тяжёлых работах в металлургической и оборонной промышленности. Для большинства работников первой категории пайка равнялась 800 г. Вторая категория рабочих и служащие снабжались значи-

тельно хуже (500–600 г хлеба). Для иждивенцев и детей норма была самой маленькой – 400 г. Для работающих в особо тяжёлых условиях нормы могли повышаться. Так, рабочий горячего цеха № 48 на Высокогорском механическом заводе Иван Петрович Русинов вспоминал, что ему полагалось по карточкам целое богатство – 2 кг хлеба в день¹.

Снабжение на всём протяжении войны не соответствовало нормам. Лишь хлебные карточки отоваривались полностью, выдача же прочих продуктов зависела от их поступления. Выжить, питаясь только продуктами, получаемыми по карточкам, было весьма сложно. Для некоторых категорий населения власти вводили повышенные нормы (для беременных женщин и матерей в течение первых двух месяцев после родов). Дети до 1 года получали дополнительное питание из молочных кухонь².

Но для заключённых Тагиллага и приравненных к ним некоторых категорий трудармейцев ситуация с хлебными нормами была намного трагичнее. Только выполнение заданий (зачастую совершенно непосильных) гарантировало им хлебный паёк в 450 г, при перевыполнении он мог дополнительно возрасти на 100–400 г. Однако в случае систематического невыполнения суточных заданий заключённого могли посадить на голодный паёк, который в 1941–1943 гг. составлял всего 300 г³. «Всем не выполнившим норму выработки – паёк хлеба 300 граммов. И это при весьма скудном приварке. Как правило, 300 граммов означало начало конца. Мало кому удавалось после этого снова стать полноценным работником», – вспоминал трудармеец П.А.Берг⁴.

Продовольственный вопрос особенно обострился в конце 1941 – начале 1942 гг. Централизованное снабжение было недостаточным, а собственная продовольственная база Нижнего Тагила не была рассчитана на резко возросшее население города. Калорийность питания за вторую половину 1941 г. сократилась для основной части тагильских рабочих с 3370 калорий до 1100–1600. Обычным явлением стали авитаминоз и дистрофия. В декабре 1941 г. на большинстве предприятий

Дети фронтовиков за обедом в детском саду Ленинского района Нижнего Тагила. 1942 г.

города до 80 % работающих голодали. Например, на танковом заводе из 16 тыс. работников дистрофией страдали 13 тыс. человек⁵. Отчаянность ситуации признавалась в докладной записке в Совнарком РСФСР, датированной мартом 1942 г.: «Особенно плохо дело обстоит с общественным питанием. Эвакуированные, которые не прикреплены к закрытым столовым, по существу общественным питанием не пользуются, так как открытые столовые сведены на нет, а там, где они существуют, нетерпимые очереди. Чтобы пообедать в таких столовых, нужно затратить 4–5 часов. Продовольственные карточки по крупе, мясу, жирам, как правило, не отовариваются. Овощей и картофеля в продаже в магазинах, так и на колхозных рынках почти не бывает»⁶.

Примечательно, что, прибыв в сентябре в Нижний Тагил с первой партией эвакуированных танкостроителей, помощник директора завода № 183 М.С.Ситцевой сразу позаботился о продовольствии. В Харьков, где на заводе оставались запасы продуктов питания, полетела телеграмма: «Грузите детали Ходукина». Ходукин был работником отдела питания и прибыл в Тагил вместе с Ситцевым. Руководство завода в Харькове сразу же поняло, в чём дело. В нарушение прямого приказа не занимать вагоны продовольствием в каждый эшелон стали включаться один-два вагона с продуктами питания. На их опечатанных дверях красовалась внушительная и малопонятная даже для специалистов надпись: «Детали Ходукина»⁷.

В своих воспоминаниях директор УТЗ имени Коминтерна Ю.Е.Максарёв упоминает о необычных мерах, к которым приходилось прибегать для разрешения ситуации. «По опыту некоторых заводов, – замечал он, – мы организовали специальный цех и из опилок лиственных пород деревьев приготовляли вполне съедобные дрожжи, которые служили большим подспорьем в питании не только рабочих, но и их семей. Блюдо из дрожжей называлось «паштет», он несколько горчил, но был вполне съедобным. С авитаминозом боролись с помощью пихтового отвара. Придя в столовую, рабочий сначала получал стакан этого отвара, после чего ему давали ложку и вилку для обеда. Вели заготовки в одном из районов области»⁸. Аналогичный цех на Высокогорском механическом заводе изготовлял из древесного опила дрожжи и квас. Дрожжи в переработанном виде давали в столовых как витамины⁹.

Положение на Нижнетагильском металлургическом заводе имени Куйбышева, Высокогорском рудоуправлении и других предприятиях было таким же тяжёлым. Об этом, в частности, свидетельствует в своих воспоминаниях знаменитая Фаина Шарунова

В магазине для военнослужащих в годы Великой Отечественной войны.

(завод имени Куйбышева): «Разве забыть, как теряли сознание от изнурительного труда и дистрофии мужчины! А эта невысокая, пустяковая горка перед заводом. Выйдешь из ворот, а взойти на неё сил уже нет. Найдёшь палку и, как дряхлая старуха, еле-еле, опираясь на палку, одолеешь её. Придётся домой едва живая»¹⁰. Работнице Высокогорского механического завода Н.Андроновой врезалось в память следующее: «Питание было очень плохое, еле ходили на работу... Люди выбивались из сил от перенапряжения, от горя, от голода и холода. Помню случай, когда пожилой рабочий умер у станка»¹¹.

Особенно тяжёлым было положение подростков, которые в годы войны составляли от 1/8 до 1/6 рабочих коллективов города. Многие из них были мобилизованы по трудовой повинности, в 15–17 лет оторваны от сельских семей и с трудом адаптировались к тяжёлым рабочим будням. Как вспоминала секретарь комитета комсомола УТЗ Нина Пернач, «не у всех хватало силы воли держать себя в жёстких рамках карточной системы – многие «заедали» хлеб вперёд»¹². Поэтому достаточно типичным был случай, о котором вспомнила работница метизного цеха этого же завода К.Шейченко (Печеницына): «К мастеру Куценко подошла бригадир Таня Булгакова и сказала, что Саша Смирнов и Серёжа Томилов не хотят работать, сидят и плачут. «Может быть, есть хотят?» – спросила мастер. Таня выделила мальчишкам хлеба из своего пайка, и они стали работать»¹³.

Отражением тяжелейшего продовольственного положения в Нижнем Тагиле в конце 1941 г. стали результаты проверки состояния колхозной торговли, проведённые в ноябре. «Покупатели встречают колхозников на окраине города, продукты скупаются, не дохо-

дя до рынка, – сообщила секретарю Свердловского обкома ВКП(б) В.М.Андрианову член обкома Фёдоров. – Наблюдаются такие случаи: колхозник за продукты просит одну цену, а покупатель даёт другую, повышенную. В Нижне-Салдинском районе на колхозном рынке совершенно нельзя купить никаких продуктов, ежедневно в район приезжают из Нижнего Тагила и из других городов сотни людей, которые ходят по деревням, скупая продукты, предлагая в обмен вещи, одежду, обувь, мануфактуру и т.д. Значительных размеров достигают коллективные закупки продуктов рабочими и служащими города. Цены на продукты ежедневно повышаются...»¹⁴. Ситуация практически не изменилась к марту 1942 г.: «...Население г. Н. Тагила, особенно члены семей эвакуированных рабочих, вынуждены ездить за десятки километров в колхозы в поисках продуктов питания, выменивая его на личные вещи. Многим из них не удаётся попасть на поезда. Колхозные рынки превратились в толкучки по обмену вещей, где процветает нетерпимая спекуляция»¹⁵.

Сухие строки донесений подтверждаются и многочисленными воспоминаниями. «Трудно было и с питанием, – рассказывал о первой военной зиме эвакуированный из Москвы на УВЗ Пётр Хаймович Котляр. – Чтобы как-то продержаться, выменивали у окрестных жителей на привезённые с собою вещи картошку, муку. Однако хватало ненадолго. Появились заболевания дистрофией...»¹⁶. «После того, как отца забрали на фронт, в семье отоваривали три хлебные карточки: 600-граммовую мою, 500-граммовую мамину и 400-граммовую сестры. Этого не хватало. Поэтому варили крапиву и щавель», – вспоминает учащийся машиностроительного техникума Н.И.Манаков¹⁷.

Низкие нормы снабжения иждивенцев заставляли многих подростков и женщин с детьми устраиваться на работу. Так что, кроме стремления помочь Родине (значение этого фактора отрицать нельзя) женщин и детей толкала на производство и суровая реальность военного времени. Известный бригадир молодёжной фронтовой бригады на танковом заводе Надежда Хайдукова вспоминала, как она устроилась на завод после окончания седьмого класса. «Когда закончился учебный год, многие из класса пошли поработать на время каникул. Честно говоря, не только из чувства патриотизма: между рабочей продовольственной карточкой и ученической была существенная разница. Люди же голодали»¹⁸. У Зинаиды Косаревской (1928 г. р.) была не менее драматичная история. «Когда началась война, мне было всего тринадцать лет. Отец ушёл на фронт. Когда маму отвезли в роддом, на моём попечении осталась младшая сестрёнка. Вскоре нас стало четверо. Разве прокормится такая семья на одну мамину зарплату уборщицы? Пошла я на завод устраиваться. Сейчас в тринадцать лет дети выглядят достаточно взрослыми, а я росточком была маленькая, худенькая. Конечно, меня не взяли. Что делать? На следующий день опять пошла – и опять от ворот поворот... Стала каждый день ходить в отдел кадров завода. Результат один: подрасти, говорят, тогда и приходи. А однажды я не выдержала, стукнула по столу кулаком: «Вы тут сидите, а мой папа воюет, может, нет его в живых! И мама больная, недавно из роддома пришла – как, по-вашему, мы должны жить?».

Начальник отдела кадров даже глаза открыл от удивления. «О, – говорит, – эта девочка начинает мне нравиться. Да ты не волнуйся, придумаем мы что-нибудь». В общем, приняли меня на завод, дали пропуск, восьмисотграммовую хлебную карточку, талоны в столовую – всё, как положено.

Маме я не сказала, что пошла работать, хотела сделать ей сюрприз. Выкупила хлеб за два дня, несу домой целую буханку. И вот неожиданность: вместо того, чтобы обрадоваться моему сюрпризу, мама побледнела, ей стало плохо. Потом уже объяснила, что подумала, будто я украла тот хлеб – где же ещё могла достать такое богатство? В общем, еле я её в чувство привела, с трудом убедила, что работая я теперь, заводская»¹⁹. Когда по состоянию на 1 апреля 1945 г. городские власти произвели очередную проверку 827 не посещающих школу детей и подростков в возрасте от 7 до 15 лет, то выяснилось, что 435 из них (52,6 %) трудились на предприятиях²⁰.

Постепенно поступление продуктов питания по карточкам улучшалось, кроме хлеба по ним стали получать крупу, жиры, мясoproдукты, яичный порошок. «Иногда по талонам вместо сахара давали конфеты или печенье, а вместо мяса – яичный порошок. Особенно мне запомнилась консервированная колбаса в банках из Америки, которую довелось попробовать всего несколько раз», – вот одно из типичных воспоминаний военных лет²¹. Со временем всё большая часть горожан стала обеспечиваться по повышенным нормам. В середине 1942 г. только 40 % тагильчан снабжались хлебом по нормам для рабочих и служащих, а 60 % – по нормам для иждивенцев и детей. К концу 1944 г. уже половина горожан

Сбор урожая моркови в подсобном хозяйстве завода им. Куйбышева. 1943 г.

снабжалась по нормам для рабочих и служащих²².

Однако при этом нужно иметь в виду, что в конце 1943 г. карточные нормы на хлеб были урезаны. Одной из причин этого был неурожай 1943 г., другой – расширение числа находящихся на нормированном снабжении за счёт освобождённых территорий. В своём дневнике 3 декабря 1943 г. учащийся горно-металлургического техникума Николай Мезенин отмечал: «Сейчас у нас новые экономические трудности в семье. Хлеб снизили по 100 г на карточку на весь декабрь. Это значит, что на нашу семью из пяти человек в день полагается 1700 г хлеба». 30 декабря Мезенин сделал в дневнике новую запись: «Получили карточки на январь. В них уже окончательно укореняется сбавка хлеба на 100 г. Теперь я буду получать 500 г, а мои домочад-

цы по 300 г»²³. «Питание сменялось во время войны, – вспоминал рабочий танкового завода Иван Игнатъевич Перевозчиков, – то улучшалось, то, наоборот, становилось хуже, иногда были перебои с продовольствием»²⁴.

Качество хлеба, выдаваемого по карточкам, было невысоким. Как правило, он был липким, клейким, водянистым и, как следствие, очень тяжёлым. Недостаток пшеничной или ржаной муки заставлял добавлять в хлеб разные примеси: овёс, картофель, отруби, сапропель. Когда сапропеля клали в тесто очень много, хлеб получался характерного зеленоватого цвета. Продавцы часто обкладывали горячий хлеб, поступивший с хлебозаводов и пекарен, мокрыми простынями. Хлеб становился ещё водянистее и тяжелее²⁵.

Чтобы выкупить хлеб и другие продукты по карточкам, людям приходилось выстаивать огромные очереди на улицах и в магазинах. Холодный пронизывающий ветер, жесточайший мороз или проливной дождь нужно было переносить стойко. Уйти из очереди было нельзя, потому что неожиданно устраивались коварные пересчёты и на ладонях ставились химическим карандашом новые номера. Нередко продуктовые карточки одной семьи отоваривались в разных магазинах, и приходилось выстаивать несколько очередей.

Утрата продовольственных карточек была самым страшным бедствием и часто вела к гибели. Люди умирали от дистрофии, в отчаянии накладывали на себя руки. Выручить могли только друзья или чудо. «Вспоминается, как одна из подруг по общежитию – Руфина Корякина – потеряла хлебные карточки на целый месяц, – вспоминает бригадир танкового завода. – Мы понимали, что это значит. Все девчата нашей комнаты, отрывая от себя, поддерживали девушку, делились хлебом, похлёбкой. В общем, прожили этот тяжёлый месяц, всё закончилось благополучно»²⁶. «Однажды смена осталась без хлебных карточек и талонов на обед на целых восемь дней, – делилась пережитым Мария Николашина, – всё это находилось у одной из девочек в кошельке, который она потеряла. Нас и тут не оставили в беде: товарищи делились хлебом, все добавочные талоны отдавали нам»²⁷. Но помощь доставалась не всем. «Часто обворовывали, – вспоминала Раиса Степановна Сидорова (Буторина). – Украли карточки на целый месяц, так я месяц голодом жила. Один мужик пожалел – отрезал от своей карточки 250 граммов. Так вот и вытянула, за цехом ходила – клевер кушала, потом уже пухнуть стала с голоду. Жизнь была на выживаемость, если карточки потеря-

ешь, или украдут, то что хочешь, то и делай... хоть умирай»²⁸.

Решение проблемы питания осуществлялось несколькими способами. Наиболее эффективным было развитие подсобных хозяйств предприятий и учреждений. Их создание началось ещё до войны. В течение 1940 г. такими хозяйствами обзавелись машиностроительные заводы Нижнего Тагила. Если в начале войны в городе действовало 37 ОРСов (отделов рабочего снабжения), то в 1943 г. их число увеличилось до 238, а посевная площадь – соответственно с 2016 до 6036 га. В 1944 г. размеры посевной площади подсобных хозяйств по городу достигли 6700 га. Большинство подсобных хозяйств предприятий постепенно обзавелось собственными птицефермами и кроликофермами, скотом, теплицами и парниками. Тяжеловесно-медлительному, косному принципу планово-централизованного распределения ОРСы противопоставили предприимчивость, инициативу, расторопность, идущие «снизу». Помимо подсобных хозяйств (совхозов, ферм, посевов), ОРСы располагали собственной сетью столовых, магазинов, ларьков, торговых палаток, киосков²⁹.

Наиболее крупным предприятиям Тагила были переданы отдельные колхозы и совхозы, ставшие составной частью ОРСов. Часть колхозов и совхозов остались самостоятельными. Вот как описывала в 1943 г. одно из таких хозяйств – совхоз Высокогорского железного рудника – журналистка Б.Дижур: «Совхоз – ...гордость рудника. Огромные площади были засеяны в этом году зерновыми хлебами, овощами и картофелем. В теплицах зрели помидоры и огурцы, в садах – малина и чёрная смородина. На открытых платформах каждый день везут из совхоза белоснежную капусту и сахаристый турнепс, морковь-каротель, длинные нарядные перья лука-порей и бидоны с молоком. В совхозе богатый птичник. В белых тёплых комнатах живут 860 белых леггорнов. Это породистые куры с ярко-красными гребнями и такими же красными важными бородами. За ними ухаживает седобородый человек с детскими глазами. Он заботливо вскармливает птиц сырым мясом и клевером, жжёной костью и творогом, а для совсем молодых цыплят добывает муравьиные яйца, поит их молоком и подвешивает для забавы турнепс, чтобы не скучали, так как «скука угнетает их развитие». Он так серьёзно говорит о судьбе своего молодняка, точно именно здесь решается выполнение производственной программы рудника. И, может быть, в этом есть своя правда...»³⁰. Уже весной 1943 г. было организовано снабжение города ранними овощами. Так, совхоз № 4 в мае сдал в столовые и магазины ОРСа завода имени Куйбышева около

10 т свежих овощей, включая тепличные огурцы, редис, салат и зелёный лук³¹.

Помимо развития собственных хозяйств ОРСы широко практиковали децентрализованные заготовки продуктов питания. Например, ОРС Высокогорского рудника организовал весной 1944 г. бригады охотников, рыболовов, сборщиков ягод и грибов. К началу сентября уже было заготовлено 500 кг сухих грибов, засолено 12 т грибов, собрано и переработано 5,5 т ягод. Рыболовецкими бригадами ОРСа в Ханты-Мансийском национальном округе за 1944 г. было заготовлено 2500 т рыбы. Кроме того, при ОРСе действовали заготовительные конторы, которые закупали молоко, яйца, мясо, картофель и овощи у населения. К началу сентября было заготовлено 1600 л молока. Охотничьи бригады Высокогорского механического завода промышляли в лесах близ Туринска и Алапавеска. На каждого из 12 стрелков была установлена норма – 200 кг за сезон. Грибы заготавливались в тагильских лесах. Всё добытое доставлялось на завод. Кроме собственных заготовок большинство ОРСов тагильских предприятий широко практиковали закупки грибов, ягод, рыбы у населения³².

В нашем распоряжении имеются данные по децентрализованным заготовкам всех ОРСов и торгующих организаций города за 1943 г. Всего за год было заготовлено незерновых продуктов на сумму 6 227,4 тыс. рублей (2 % к годовому товарообороту). Улов и закупки рыбы достиг 717 т, мяса диких животных было заготовлено 4,3 т, грибов собрали 698 т, ягод 42,5 т. В порядке децентрализованных закупок заготовлено в сельскохозяйственных районах (преимущественно Свердловской области) 87 т мяса и мясopодуков, 65 т молока и молочных продуктов, 143 тыс. штук яиц, 137 т картофеля и 223 т овощей³³.

Солидным подсобным хозяйством обладал Нижнетагильский горно-металлургический техникум. 52 га земли, 8 лошадей, 11 коров, 34 свиньи, 7 телят уже в 1942/43 учебном году позволили снабдить студентов и преподавателей этого учебного заведения разнообразной и калорийной пищей. Особо следует подчеркнуть, что в числе немногих техникумов Урала закрытая столовая НТГМТ обеспечивала коллектив двухразовым горячим питанием. Весной следующего, 1943 г., подсобное хозяйство техникума было преобразовано в совхоз, а питание в его столовой стало трёхразовым. Кроме того, студенты стали получать хлеб по рабочим карточкам (по 600 г)³⁴.

Важнейшую роль в снабжении города продовольствием сыграли пригородные колхозы и совхозы. К началу войны в окрестностях Тагила имелось шесть многоотраслевых колхозов и два совхоза. Они занимались выращиванием зерновых и силосных культур, разведением коров, свиней, овец, кроликов и кур. Продукция окрестных хозяйств поставлялась преимущественно в детские учреждения и больницы. Крупные молочные стада имелись в окружавших Нижний Тагил совхозах «Зональное» и «Тагил», колхозе «Победа». Они специализировались на выращивании высокопродуктивного племенного скота тагильской породы. Частники покупали тёлоч в основном в животноводческом товариществе «Тагилка»³⁵.

Помимо государственных нарядов дополнительное количество продовольствия давали прямые связи, налаженные с уральскими колхозами и совхозами. Учительница из села Большая Лая А.Н.Попова вспоминала, как в 1943 г. одевала доставшийся ей первый класс. «На мальчиках рубашки и штаны, сшитые из мешков из-под краски (на «Вагонке» – Уралвагонзаводе красили танки, мешки привезли в Лаю и поменяли на овощи)»³⁶.

Сбор урожая капусты в подсобном хозяйстве завода № 183. 1943 г.

**Кормление цыплят на птицеферме совхоза № 1 завода им. Куйбышева.
1943 г.**

В 1944 г. было ненастное лето, дождями прибило пшеницу к земле, она полегла. Чтобы убрать урожай, срочно нужны были серпы. Лайский колхоз обратился к шефам, и на заводе № 63 в Нижнем Тагиле их сделали за один день. Высокогорцы сразу же привезли их в Лаю. В обмен на серпы работники Высокогорского механического завода получили часть урожая. Аналогичные шефские связи были широко развиты и с колхозами и совхозами Петрокамменского района, который являлся одним из важнейших поставщиков продовольствия в Нижний Тагил.

Большая часть произведённого продовольствия шла на общественное питание работников предприятий, меньшая продавалась в заводских магазинах по ценам, которые были выше карточных, но значительно ниже рыночных. В 1941 г. окрестные колхозы и совхозы вместе с ОРСами заготовили 3 тыс. т картофеля и овощей, в 1942 г. – 11 тыс. т (и 25 тыс. т было завезено в централизованном порядке), а в 1944 г. – уже свыше 64 тыс. т³⁷.

Подсобные хозяйства, окрестные колхозы и совхозы успешно решали новые, поставленные военным временем продовольственные проблемы. Одной из них стала проблема недостатка сахара. Основные свеклосахарные районы СССР были оккупированы врагом или находились в прифронтовой зоне. Производство сахаропеска в стране сократилось за 1940–1945 гг. в 5 раз, а сахара-рафинада – почти в 12 раз. Потребление сахара рабочими Свердловской области уменьшилось за 1940–1943 гг. более чем в 2,5 раза. Попытки выращивания сахарной свёклы в окрестностях Нижнего Тагила (в 1943 г. было засеяно этой культурой 150 га) дали плачевные результаты. Выходом из создавшегося тяжёло-

го положения стало развитие пчеловодства. До войны в окрестностях города пасек практически не было. Страстным пропагандистом новой отрасли стал рабочий подсобного хозяйства Рудника имени III Интернационала Г.К.Поваров. Он создал первые товарные пасеки в своём хозяйстве и в колхозе «Победа», организовал обучение начинающих пчеловодов из других хозяйств. К концу войны вблизи Нижнего Тагила действовали более десятка товарных пасек, на которых имелось свыше 700 пчелиных семей. За 1944 г. только в заводские столовые, детские учреждения и госпитали Тагила было отправлено более 10 т мёда³⁸.

Кроме ОРСов, колхозов и совхозов важнейшее значение в снабжении тагильчан продуктами питания сыграло индивидуальное и коллективное огородничество. Индивидуальные и коллективные огороды занимали все свободные площади в городской черте. Лучше всего было налажено хозяйство у коренных тагильчан, проживавших в своих домах. «Было личное хозяйство: огород 30 соток у рудника, ходили пешком; на нём выращивали только картофель. Ещё разводили кроликов рядом с домом в сарае; мясо кроликов ели, а шкурки продавали или меняли на продукты», «в семье было подсобное хозяйство – огород (5 соток), козы, корова. На огороде выращивали картофель, морковь, свёклу, лук, капусту, репу, смородину» – вспоминают Е.Л.Зыкова и рабочий ВМЗ И.П.Русинов. «При доме был огород 7 соток, выращивали все овощи, картофель. Урожай хранили в подполье, – запомнилось школьнице военной поры К.М.Данилушкиной (Олешковой). – Конечно, огород помогал выживать, но для такой семьи (8 человек, в том числе шестеро взрослых) он был маловат.

Хорошо помню, что весной варили лебеду, крапиву»³⁹.

Труднее было проживавшим в обобществлённом фонде. «Маме от больницы, где она работала, давали участок земли, который нужно было раскорчевать и вскопать. Там садили картошку. За помощь колхозникам в уборке урожая выдавали «деликатесы» (репу, турнепс, морковь). Мать была донором, сдавала за один раз 400 мл крови. За это она получала полкило сахара, полкило масла и тазик вишнегрета», – вспоминает учащийся машиностроительного техникума⁴⁰.

Ещё сложнее было эвакуированным, но и у них свой огород стал способом выживания. «Наша семья – мама, бабушка, я и двоюродный брат – были эвакуированы в Нижний Тагил в июле 1941 г. из-под Львова. Разместили нас в посёлке ТЭЦ, где раньше жили раскулаченные. Во время войны он стал посёлком эвакуированных. Мама устроилась на УВЗ формовщицей, а в сентябре мы с двоюродным братом пошли в школу. Мама получала рабочую карточку, а мы, дети – иждивенческую. Жили в деревянном бараке, в одной из комнат двухкомнатной квартиры (хозяев уплотнили). Хозяева (семья Гончарук) опекали нас, помогали одеждой, обувью, кормили. Бабушка утром варила баланду (крупа, картофель и т.п.) в большом ведре, и этим питались весь день. Картофельные очистки варили, перемалывали на мясорубке и делали лепёшки. В 1942 г. появился участок в одну сотку около дома. На этой сотке садили в основном картошку, морковь, ничего другого не садили: не было семян»⁴¹. «Рабочие, служащие, домохозяйки Ленинского района стараются использовать каждый участок ещё не разделанной земли, – сообщалось в одной из корреспонденций «Тагильского рабочего», – засадить её овощами, картофелем»⁴². «Около барачных землянок вся земля была вскопана и засажена картошкой, – вспоминала военные годы жительница Вагонки, – оставались только узенькие тропинки, чтобы можно было пройти»⁴³.

В 1943 г. площадь посева, занятая индивидуальными огородами в городе, составила 5 464 га, а в 1944 г. – 6 284 га. В 1942 г. в Нижнем Тагиле насчитывалось 64 460 семей огородников, в 1943 г. – 112 619, и в 1944 г. – 126 220. Соответственно, в 1942 г. каждый огородник вырастил в среднем 341 кг картофеля и овощей, в 1943 г. – 488 кг, а в 1944 г. – 633 кг. В 1941 г. огородники индивидуалы города собрали урожай в 9 тыс. т, в 1942 г. – 22 тыс. т, в 1943 г. – 55 тыс. т, а в 1944 г. – свыше 80 тыс. т. Урожай индивидуальных огородов в 1944 г. был почти на треть выше, чем на полях тагильских ОРСов, пригородных колхозов и совхозов, хотя посевные площади практически совпадали.

Урожайность на полях общественных хозяйств составила 9,6 т картофеля и овощей с одного га, а на индивидуальных огородах – 12,7 т⁴⁴.

При этом, правда, следует учитывать, что между подсобными хозяйствами и индивидуальным огородничеством сложилась известная специализация: первые давали больше овощей, вторые – картофеля. Между тем, овощи – более трудоёмкая и менее урожайная культура, чем картофель. Если в выращивании картофеля у тагильчан с самого начала войны особых проблем не было, то над созданием овощного сельскохозяйственного конвейера горожанам пришлось немало потрудиться. В 1942 г. овощей в общественных и индивидуальных хозяйствах Нижнего Тагила было выращено в четыре раза меньше, чем «второго хлеба». Объяснялось это трудоёмкостью возделывания овощей, необходимостью строительства весенне-летних теплиц, парников, поливных овощных участков. Понятно, что всё это требовало немалого числа средств и рабочих рук. Поэтому овощеводством стали заниматься в первую очередь общественные хозяйства. Именно они могли позволить себе значительные затраты на создание мощного теплично-парникового хозяйства. Уже в 1942 г. площадь парников и утеплённых рассадников составила 55,9 тыс. рамомент, а в 1943 г. достигла 90 тыс. Площадь, занятая теплицами ОРСов, пригородных колхозов и совхозов, равнялась в 1943 г. 6 800 га⁴⁵.

Пионером в выращивании высоких урожаев овощей стало подсобное хозяйство завода имени Куйбышева. Работница этого хозяйства Т.Ф.Мосина собирала с каждого гектара по 970 центнеров белокочанной капусты, а Л.Е.Шуракова – по 700 центнеров краснокочанной. Бригада Е.Я.Подойниковой снимала с каждого квадратного метра весенне-летней теплицы до 30 кг огурцов и помидоров.

Партийный актив города во главе с первым секретарём горкома ВКП(б) Е.Ф.Кольшевым изучал опыт куйбышевцев на своих заседаниях; анализировался он и на сессиях городского совета. Постепенно опыт куйбышевцев перенимали другие хозяйства и огородники-индивидуалы. Чтобы подстегнуть энергию последних, городские власти организовали соревнования владельцев личных подворий на звание «Лучший огородник». В 1944 г. 16 тагильчан, добившихся рекордных урожаев капусты, моркови, свёклы и редьки, были удостоены этого звания. Тагильчане могли не только услышать о секретах успехов передовиков, но и посмотреть на результаты их труда. Для этого сельскохозяйственный отдел горисполкома организовал ежегодные сельскохозяйственные выставки.

Эти меры давали неплохие результаты. У лучших производственных коллективов подсобных хозяйств урожай намного превышал средний. Так, например, в 1944 г. звено М.А.Гаспаровца из подсобного хозяйства УВЗ собрало по 26 т картофеля с га, а звено Е.М.Хвостовой – по 25 т⁴⁶.

Для огородников власти пытались создать благоприятные условия, оперативно решая острые вопросы. На предприятиях им помогали профсоюзы и администрация. Так, например, в 1943 г. на Руднике имени III Интернационала накануне посевной была проведена конференция огородников, консультант-агроном провёл лекции и беседы о том, как получить высокий урожай картофеля и овощей. Посевщики были обеспечены семенами свёклы, моркови, брюквы, рассадой помидоров, семенным картофелем. Аналогичная работа велась и на заводе имени Куйбышева. Кроме того, куйбышевцы обращали особое внимание на сбор местных удобрений. Уже в начале апреля было собрано 40 т золы, 600 возов фекалия. Ежедневно на вывозке удобрений на поля работало шесть лошадей.

На заводе № 183 имени Коминтерна под индивидуальные огороды в 1942 г. было выделено 290 га, а в 1943 г. дополнительно ещё 350 га. Кроме того, 60 га было выделено под коллективные огороды одиночек из посёлка 8-я. Для огородников в 1943 г. было заготовлено 100 т картофельной верхушки, 500 тыс. кустов капустной рассады, семена лука, свёклы, моркови, репы и турнепса. Часть семян была заготовлена в Мордовской АССР, куда выезжали коминтерновцы. На эти цели завод выделил 12 тыс. рублей. Завком обеспечил изготовление для огородников 10 тыс. лопат, 10 тыс. грабель, 10 тыс. тяпок, 2 тыс. топоров для раскорчёвки и другого инвентаря⁴⁷.

«Ещё глубокой зимой, – сообщал председатель огородной комиссии постройкома Тагилстроя Верхорубов весной 1944 г., – мы решили начать подготовку к севу на индивидуальных огородах. Создали 10 кружков, в которых рабочие и служащие изучали элементарные правила агротехники, как и чем удобрять землю, как добывать высокоурожайные овощи и картофеля. Весной в первую очередь позаботились о приобретении инвентаря, учли наличие старого, оставшегося от прошлого года. Отремонтировали его, а недоста-

ющее количество лопат, вёдер, грабель, мотыг купили вновь». Кроме того, садово-огородная комиссия Тагилстроя проявила заботу о покупке семян, вспашке земель, отведённых огородникам. Для роста урожая «силами самих посевищиков мы ещё с зимы организовали сбор местных удобрений. Всего собрано 60 тонн золы, 1200 тонн навоза, 1,5 тонны куриного помёта, 400 тонн фекалия и, кроме того, из минеральных удобрений 5 тонн сульфата аммония. Все они вывезены на огороды»⁴⁸. Выполняя распоряжение Наркомторга, городской торговый отдел Нижнетагильского горсовета организовал осенью 1943 г. сезонную одновременную выдачу соли. Огородники должны были представить справку от предприятия или учреждения о наличии у них посевов капусты, огурцов и помидоров. Соли выдавали по 2 кг на семью (для многосемейных – по 3–4 кг)⁴⁹.

Помимо огородничества, определённую (хотя и значительно меньшую роль) играло садоводство. Первые опыты посадки плодовых и ягодных культур в Нижнем Тагиле имели место ещё в конце XIX – начале XX в. В 1934 г. при краеведческом музее образовалась секция садоводов-мичуринцев, преобразованная затем в городское общество садоводов. Новый толчок садоводство получило в годы войны. При содействии председателя исполкома Нижнетагильского горсовета И.А.Непомнящего был создан плодпитомник, из которого тагильские садоводы получали высококачественные саженцы. Вопросы посадки фруктовых деревьев и ягодников неоднократно рассматривались на сессиях горсовета и заседаниях исполкома. При краеведческом музее был организован кружок садоводов и огородников, которых обучали азам земледелия и агрономии. Только в 1943 г. 25 585 тагильчан были проконсультированы по вопросам агротехники. В 1943 г. в Нижнем Тагиле и его окрестностях было заложено 18 га садов⁵¹. Помимо общественных хозяйств садоводством занимались и отдельные рабочие и служащие города. «Полученный садоводами Тагила в 1943 г. урожай показал, что в условиях даже нашего довольно неблагоприятного климата можно вырастить очень вкусные и крупные яблоки, – писала известный тагильский краевед Е.Боташева в 1944 г. – Так, например,

Таблица 1
Огородничество в Нижнем Тагиле в 1942 и 1943 гг. (число семей)⁵⁰

Предприятие	1942	1943	1943 г. в % к 1942 г.
Всего во городе	64 460	112 619	174,7
в том числе: Уральский танковый завод	3 200	12 300	384,4
Высокогорский механический завод (№ 63)	2 500	6 500	260,0
Нижнетагильский химический завод (№ 56)	900	2 000	222,2
Металлургический завод имени Куйбышева	–	2 500	–
Высокогорский рудник	926	1 300	140,4

товарищ Китаев А. недавно начал заниматься садоводством. В позапрошлый год он сделал к дичкам прививку глазком, на следующий год уже имел урожай яблок девяти сортов, сняв 30 кг. Прививки проводит и товарищ Красиков. Он имеет 22 яблони, и в 1943 году снял 33 кг плодов. Он имеет сорта яблок: боровинка, шафран, анис, белый налив, шахтёрка, розмарин, грушовка, анисик и другие»⁵².

Подспорьем к огородам и садам служили дары природы. «Ходили в лес, собирали траву, щавель, хвойные породы (пили против цинги), кислицу. Собирали лебеду и из неё делали лепёшки, – вспоминает школьница военных лет. – Собирали травы и для госпиталя. В обязательном порядке посылали на колхозные поля садить картошку, собирать колоски. Ехали работать с радостью – боялись, что не возьмут, забудут. Нас, детей, использовали в качестве бесплатной рабочей силы. В колхозе кормили досыта»⁵³. «Собирали грибы и ягоды. Грибы сушили или солили, если соль была. А грибной суп так готовили: картошку (иногда прямо с кожурой) и грибы мелко порубили, заливши водой да сваривши, – вспоминает почтальон военных лет посёлка Уралец Нина Георгиевна Шакун. – А в особенно тяжёлые времена ели крапиву, лебеду да репейник. Из крапивы делали лепёшки, добавляя к крапивной массе немножко муки. Из лебеды суп варили. А стебли репейника варили в молоке. Вместо чая пили настои трав, добавляя иногда молоко («подбеливая»)»⁵⁴.

Снабжение продуктами животноводства во время войны в основном происходило за счёт индивидуального стада и скота ОРСов и УРСов предприятий и учреждений. За 1941–1944 гг. поголовье крупного рогатого скота во всех категориях хозяйств Тагила и в частном владении выросло с 2 132 до 13 861 головы (в 6,5 раза), свиней – с 1 375 до 7 762 голов (в 5,6 раза), овец и коз – с 399 до 13 382 (в 33,5 раза) (см. табл. 2). На долю индивидуальных владельцев в 1942 г. приходилось 41,3 %, а в 1944 г. – 45,8 % поголовья. По крупному рогатому скоту удельный вес общественных хозяйств снизился за эти годы с 72,4 до 59,7 %, по козам и овцам – с 43,9 до 22,4 %. Только по свиньям ситуация оказалась иной: если в 1942 г. у индивидуальных владельцев находилось 48 % свиного поголовья, то в 1944 г. – только 0,7 %. Последнее было связано с массовой эпизоотией свиней в Свердловской области и решением властей об их обязательном уничтожении в частных хозяйствах»⁵⁵.

Помимо традиционных видов животноводства и птицеводства, развивалось разведение новых или редких для Тагила видов: коз, кроликов, гусей и уток. В 1943 г. «в Тагиле вновь создано более 20 козеферм. Подсобное хозяй-

ство «Уралмашстроя» создало козеферму на 150 голов, первый хлебокомбинат – на 50 голов, совхоз «Тагил» – на 50 голов и холодильник – на 37 голов». Только подсобными хозяйствами города за 1943 г. было произведено 655 т молока и молокопродуктов, 95 т мяса (в живом весе), 2 т битой птицы, 115 тыс. штук яиц, 3,3 т рыбы»⁵⁶.

Продуктивность животноводства была в годы войны невысокой. Так, в 1944 г. план надоя на одну фуражную корову составил по колхозам 1 400 л, по совхозам – 2 200 л и по подсобным хозяйствам – 1 700 л. Реальная же цифра надоя составила по колхозам 1 037 (76,2 % плана), по совхозам – 1 372 (62,3 %) и по подсобным хозяйствам – 1 069 (62,9 %)»⁵⁷.

Весьма существенную роль (особенно по некоторым видам продуктов и по промтоварам) играл рынок. В городе действовало два колхозных рынка. Один располагался недалеко от железнодорожного вокзала (в районе нынешнего ресторана «Вечерний Тагил»)

– это знаменитая «Кочковатка». Второй действовал на Вагонке, на улице Свердлова (за нынешним муниципальным театром). Кроме того, возникли и стихийные рынки (главным образом вещевые «барахолки»). Один такой рынок действовал в районе Малой Кушвы с рассветных часов до 9 утра, то есть до начала рабочего времени. Частная торговля там считалась незаконной, однако преследования со стороны милиции перевешивала выгода. Торговали на нём не только нехитрым домашним скарбом, но также украденными товарами и продовольственными карточками»⁵⁹.

Во втором полугодии 1941–1942 гг. объёмы продаж продуктов питания на рынках Нижнего Тагила существенно сократились. За январь 1942 г. на колхозном рынке города было продано 130 кг мяса по цене 70 руб. за кг, кур – 10 шт. по 100 руб., рыбы – 280 кг по 32 руб., картофеля – 149 кг по 70 руб. ведро, капусты – 170 кг по 6 руб. кг. Это была капля в море для населения Нижнего

Таблица 2

Поголовье скота в Нижнем Тагиле в годы войны»⁵⁸

Виды скота	1941	1942	1944	1944 г. к 1941 г. (раз)
Крупный рогатый скот	2 132	4 878	13 861	6,5
Свиньи	1 375	5 541	7 762	5,7
Овцы и козы	399	1 313	13 382	33,5
Кролики	130	1 060	–	–
Гуси и утки	182	3 200	–	–

Таблица 3

Цены на сельскохозяйственные продукты на рынках Нижнего Тагила и крупнейших городов Урала в годы Великой Отечественной войны (на 25 января), руб./кг»⁶³

Города	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946
Мука ржаная							
Н. Тагил	–	3,1	–	170,0	180,0	70,0	25,0
Средняя цена по городам Урала	3,1	3,5	20,2	114,1	158,0	49,5	19,0
Картофель							
Н. Тагил	1,2	1,2	–	38,0	70,0	15,0	5,0
Средняя цена по городам Урала	1,5	2,3	8,9	44,7	46,8	11,3	5,6
Капуста							
Н. Тагил	–	–	–	50,0	70,0	15,0	15,0
Средняя цена по городам Урала	3,2	2,5	11,0	43,5	42,8	11,8	9,6
Говядина							
Н. Тагил	16,0	23,0	–	300,0	300,0	150,0	70,0
Средняя цена по городам Урала	13,2	20,5	72,4	314,3	280,6	122,5	71,3
Свинина							
Н. Тагил	25,0	27,0	–	–	–	–	110,0
Средняя цена по городам Урала	16,7	24,6	98,0	377,5	350,0	160,8	112,5
Молоко, л							
Н. Тагил	4,0	4,0	–	120,0	90,0	35,0	20,0
Средняя цена по городам Урала	4,0	4,2	21,3	87,8	72,5	32,7	21,5
Масло сливочное							
Н. Тагил	–	–	–	–	–	350,0	230,0
Средняя цена по городам Урала	32,5	45	182	793,7	700,0	296,3	–
Яйца, дес.							
Н. Тагил	12,0	16,0	–	–	300,0	–	80,0
Средняя цена по городам Урала	12,0	13,8	50,0	198,3	112,0	105,0	77,5

Тагила, превысившего 300 тыс. человек⁶⁰. Галопирующая инфляция стремительно обесценивала деньги, и крестьяне всё чаще предпочитали натуральный обмен. Нормы обмена менялись. Продукты меняли на продукты, или вещи – на продовольствие. Одна из тагильчанок спустя почти шесть десятилетий вспоминала, как произвела очень удачный обмен в деревне Лая, когда на 5-метровый отрез сатина она выменяла литровую банку сметаны, два ведра картофеля и в придачу творог⁶¹.

Чтобы стимулировать больший привоз продуктов питания, стала организовываться встречная торговля. 1 февраля 1942 г. на колхозный рынок Нижнего Тагила торговыми организациями было завезено большое количество соли, мыла, керосина и других товаров. В этот день было продано 30 т сельскохозяйственных продуктов, а за весь предшествующий месяц – только 2 т. Весной 1943 г. в Нижнем Тагиле была проведена грандиозная ярмарка, на которую было привлечено 237 колхозов из 30 районов Свердловской и соседней Пермской областей.

Для встречной торговли предприятия города изготовили промышленные товары на 6 млн руб.⁶²

Уровень рыночных цен в годы войны сильно колебался. В первые военные годы стоимость продуктов питания и промышленных товаров на рынках Урала стремительно росла и достигла максимума к концу 1942 – началу 1944 гг. В последние полтора года войны цены начали постепенно снижаться, но оставались существенно выше, чем довоенные. При этом Нижний Тагил значительно опережал среднеуральский уровень цен. Об этом убедительно свидетельствуют данные о стоимости стандартного бюджетного продуктового набора на городских рынках. В состав этого набора в годы войны входили ржаная мука, картофель, животное масло, говядина (всё по одному килограмму) и десяток яиц. Если перед началом войны стоимость такого набора в городе была несколько ниже, чем в среднем по городам региона, то в 1943–1945 гг. превышала его на 17–22 %.

Стоимость бюджетного продуктового набора в государственных розничных ценах 1940 г. равнялась всего 44 руб. 33 коп. Именно эти цены использовались при отоваривании карточек. За годы войны цена продуктов, выдаваемых по карточкам, выросла незначительно. Таким образом, разли-

Работницы отдела технического контроля завода № 63 за приёмкой снарядов. 1943 г.

ца между рыночными и карточными ценами была колоссальной. В 1944 г. рыночная стоимость бюджетного продуктового набора в Нижнем Тагиле превышала карточную в 36,9 раза, а рыночную стоимость такого же набора в ценах 1940 г. – в 25,5 раза!⁶⁵ Покупательная способность заработной платы тагильчан резко сократилась.

Только в последний год войны ситуация на рынке стала меняться в лучшую сторону. В марте 1945 г. по сравнению с тем же месяцем 1944 г. рыночные цены в Нижнем Тагиле снизились по картофелю в 6 раз, луку – в 2, муке ржаной – в 4, говядине – в 2, яйцам – в 4 раза⁶⁶.

Роль рынка не следует преувеличивать. По большинству основных продуктов это составляло всего несколько процентов от общего потребления. Нужно отметить и другую, оборотную сторону рынка. В годы Великой Отечественной войны, когда денежная эмиссия необычайно усилилась, а потребительские товары исчезли из свободной продажи и распределялись по карточкам в недостаточном для поддержания жизни количестве, появились неисчерпаемые возможности для легального и нелегального перераспределения доходов.

Как только карточная система появилась, моментально распространилась и незаконная торговля карточками. «В годы войны продавались облигации государственного займа и

все обязаны были их покупать, – вспоминал Н.И.Манаков. – Часть тагильских подростков получала от этого свой «навар». Друг покупал эти акции по 3 рубля, а мне продавал по 5. На рынке я продавал их по 8. Выигранные облигации откладывал на печку, чтобы не узнала мать. Однажды эти облигации помогли семье выжить. Я пошёл смотреть фильм, и воры вытащили кошелек с продовольственными карточками на всю семью на декабрь. А месяц только начинался. Говорить матери я побоялся, чтобы она с горя не наложила на себя руки. Пришлось доставать эти облигации с печки, и на выигранные деньги я восстановил все пропавшие карточки (их можно было купить на «чёрном рынке»). Однако отоварить карточки можно было только при наличии стандартной справки о социальном положении (рабочий, служащий, ИТР и т.п.). Долго ходил я на рынок и искал необходимую мне справку ИТР, были всякие, но нужная мне всё не попадалась. И только спустя много дней удалось купить требуемое и отоварить карточки»⁶⁷.

Если можно было свободно купить продуктовые карточки, значит, были и те, кто их продавал. Воры, занимавшиеся хищением продовольственных карточек, рисковали получить от двух лет тюрьмы до расстрела, но, тем не менее, махинаторов было достаточно много. Создавались целые преступные группы, изготавливавшие и сбывавшие фальшивые продуктовые карточки. Был и другой путь. Некоторые торговые работники, отоварив карточки, не сжигали талоны, как положено, а передавали своим друзьям и родственникам либо продавали их на рынках. В трамваях, на рынках, в магазинах «работали» воры-карманники, для которых продуктовые карточки были наи-

Таблица 4
Стоимость бюджетного набора пяти основных продуктов питания на городских рынках Урала (на 25 января) (в руб.)⁶⁴

	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946
По Уралу	66,3	89,3	354,8	1 311,0	1 397,0	584,0	403,9
По Нижнему Тагилу	64,8	88,3	356,6	1 601,7	1 650,0	685,0	410,0
%	97,7	98,9	100,5	122,2	118,1	117,3	101,5

Сборка танков на главном конвейере завода № 183.

более желанной добычей. Чтобы убе- речься от воров, многие тагильчане карточки на хлеб разрезали на дека- ды, скрепляли или сшивали в левом углу и так ходили за хлебом. Если ук- радут, то хоть не всю карточку⁶⁸.

Возникли и другие виды злоупот- реблений, связанных с карточной си- стемой. В документах нередко упо- минаются случаи хищений и разбазы- ривания продовольствия и промтова- ров, обмеривания, обвешивания и об- счёта покупателей. Воровство и махи- нации процветали даже в лагерях Та- гиллага. П.А.Берг на всю жизнь за- помнил бригадира Келлера, который часто присваивал хлеб и другие про- дукты части членов своей бригады. Всё изъятое таким образом шло на рынок и пропивалось либо превраща- лось в ценности. Чтобы люди могли работать, он «добился у начальства разрешения вести бригаду в лес, яко- бы за грибами и ягодами. Фактически же уводил бригаду на овощные со- взхозные поля». Не довольствуясь этим, Келлер неоднократно шёл и на прямое воровство и разбой, отнимая деньги и ценности у тагильчан, грабя квартиры и учреждения. Его несколь- ко раз ловили за руку, но благодаря своим связям он выходил сухим из воды. В конце концов терпение влас- тей переполнилось и за очередную «операцию» бригадир-бандит был привлечён к суду и расстрелян⁶⁹.

Милиция достаточно часто устраи- вала на рынках города облавы. Всех, у кого не было необходимых до- кументов или они не могли объяснить своё присутствие на рынке в рабочее время – задерживали. Подростков, как правило отпускали, а со взрослыми проводилась серьёзная работа – часть привлекали к уголовной ответ- ственности за спекуляцию, молодых

мужчин без определённых занятий нередко отправляли на фронт⁷⁰.

Неповоротливость государствен- ной торговли часто создавала условия для проявления частной инициативы (которая в то время нередко рассмат- ривалась как спекуляция). Характер- на следующая информация «Тагиль- ского рабочего» летом 1943 г.: «Наста- ла жаркая пора. Ларьки начали про- дажу кваса, морса, витаминов и дру- гих прохладительных напитков. Одна- ко выпить стакан воды прохожий не имеет возможности. Продавцы отпускают напиток оптом – ведрами, бидо- нами, графинами и так далее. Воду быстро распродают, а затем купившие ведро кваса или морса продают их втридорога. Есть и такие, которые про- дают чистую воду из пруда по рублю за стакан»⁷¹. По воспоминаниям та- гильчан, в жаркую погоду чистую воду продавали по цене 20 коп. за стакан или на рубль «досыта»⁷².

Развитие сети столовых на пред- приятиях имело важнейшее значение для организации нормального питания тагильчан. До войны заводские столо- вые и буфеты были развиты слабо, а их услугами пользовалась лишь не- большая часть работников. На боль- шинстве тагильских заводов имелось не более двух столовых – одна для ра- бочих и другая – для ИТР, а в цехах действовали буфеты. Даже в крупней- ших цехах УВЗ (литейном, кузнечном, сборочном, где работало по 1,5–2 тыс. человек), где действовали собственные столовые, в предвоенное время боль- шинство рабочих обедало либо на сво- ём рабочем месте, либо в красном уголке принесёнными с собой продуктами. Война привела к резкому увеличению одиноких работников, значительно со- кратилось количество продовольствия в семьях и возможности домашнего

приготовления пищи. Всё это сильно увеличило нагрузку на существующие столовые. Уже в августе 1941 г. было принято решение Нижнетагильского горкома ВКП(б) о создании собствен- ных столовых во всех крупных цехах Новотагильского, Высокогорского ме- ханического и танкового заводов, в стройуправлениях строительных тре- стов. Если в начале 1941 г. в городе дей- ствовало 60 столовых на 6 557 посадоч- ных мест, в начале 1943 г. – 194 столо- вых на 17 636 мест, то на начало 1944 г. – уже 209 столовых с числом посадоч- ных мест 21 640. В последующем, при росте количества столовых, число по- садочных мест в них стало сокращать- ся в связи с уменьшением континген- та питающихся. На 1 июля 1944 г. в Нижнем Тагиле функционировало 226 столовых на 20 720 посадочных мест. На заводе имени Куйбышева в начале 1942 г. работала только одна столовая на 48 мест, а в конце 1943 г. – 13 столо- вых на 524 места. Число столовых уве- личивалось практически на всех пред- приятиях. На Уральском танковом за- воде в конце войны столовые действо- вали практически в каждом цехе. В 1944 г. все 33 заводских столовых име- ли свой контингент питающихся и чёт- кий распорядок работы⁷³.

За годы войны столовые значитель- но улучшили свою работу. В конце 1941 – начале 1942 г. типичным явлением были очереди в столовых, на обед приходилось тратить по 2–3 часа, обеспеченность столовых ложками, вилками и мисками составляла 15–20 % от потребностей. Нередко работникам приходилось приносить ложки с собой. Питание было сверхсудным. Так, вы- борочная проверка конца 1941 г. пока- зала, что рабочим танкового завода предлагались либо суп-лапша из ржа- ной муки и омлет, либо ячневый суп и гуляш. Калорийность обеда составля- ла всего 733 килокалории. Лишь для тех, кто перевыполнил сменное зада- ние, вечером давалось ещё одно блюдо – суп-лапша. Только для заводского начальства – начальников цехов, отде- лов заводоуправления и руководства завода – питание было трёхразовым и достаточно питательным: если сто- имость обеда рядовых работников со- ставляла 1 руб. 53 коп., то стоимость питания начальников цехов и отделов – 6 руб. 47 коп., а заводского началь- ства – 15 руб. 69 коп. Рабочие ночных смен Новотагильского метал- лургического завода жаловались ле- том 1942 г., что вечером столовые ра- ботают всего два часа. Поэтому им при- ходилось выстаивать огромные оче- реди, причём многие так и не успевали поесть, а счастливчики нередко трати- ли на ожидание обеда более часа.

Уже в 1942 г. столовые Уральского танкового завода перешли на двухра- зовое питание, а в 1943 г. 60 % рабочих танкового завода получали ежедневно

стахановские и улучшенные обеды. Калорийность стахановского дневного рациона с хлебом поднялась до 3 900 килокалорий, а улучшенного – до 3 500 килокалорий. В результате на учёте в этом году осталось всего 180 больных дистрофией. В 1944 г. большинство рабочих всех предприятий города получало вполне достаточное двух- и трёхразовое питание. При многих столовых откармливались свиньи, работники столовых занимались сбором ягод, грибов, орехов, дикого лука и салата. Всё это шло на улучшение рациона работников. Например, в столовой прокатного цеха Новотагильского завода в один из дней начала декабря 1944 г. на обед подавали борщ, гуляш, жареную баранину. Качеству блюд хорошую оценку дала инструктор городского треста столовых Анастасия Илларионовна Мещерякова. Чтобы разнообразить меню, кроме продуктов, отпускаемых по фондам, столовая за первую неделю месяца получила 1 450 кг отходов от сельдей с рыбного завода. Из них были приготовлены вкусный рыбный суп, бутерброды с икрой и другие блюда⁷⁴.

Однако не стоит переоценивать перемены в общепите. В той же столовой прокатного цеха «почти ежедневно возникают очереди. Рабочие вынуждены тратить на обед по полтора, а иногда и по два часа. Конвейер столовой, как правило, часто нарушается из-за недостатка ложек и посуды». В отличие от заводских, в городских столовых до конца войны ситуация оставалась сложной. «За обедом давно уже не подаются ножи – на всю столовую имеется один нож, – сообщал один из посетителей столовой № 1 Тагилобщепита в 1944 г. – Редко меняются скакертги, посуда недостаточно промывается, особенно стаканы (глиняные чашки). Например, 29 марта на завтрак подавали плохо приготовленный винегрет, маленькую порцию каши и стакан какао на мороженом. Цена завтрака 6 руб. 10 коп. На обед – невкусные капустные щи, запеканка овощная (из брюквы) и какао на мороженом. Стоимость обеда – 6 руб. 60 коп. Из общей суммы [завтрака и обеда – А.Е.] 12 руб. 70 коп. цена какао составляет 9 руб. 90 коп. Примерно такое меню с небольшими отклонениями составляется в течение всего месяца»⁷⁵. Впрочем, и положительных примеров тоже было немало. Из свежих овощей, получаемых со своего огорода, столовые приготавливали разнообразные блюда, – сообщалось в типичной заметке в том же 1944 г. Среди них олады из моркови, рыба в маринаде, витаминный салат, компот из ревеня. Повар Коновалова из столовой № 10 обучала своих коллег готовить деликатесное блюдо – сладкое желе из рыбьей чешуи⁷⁶.

Работники заводских и городских столовых часто работали в тяжелей-

Первый секретарь горкома ВКП(б) Е.Ф.Кольшев (сидит в центре), председатель горисполкома И.А.Непомнящий (сидит второй слева) и другие руководители Нижнего Тагила. 1945 г.

ших условиях. «Столовая «Золото-продснаба» расположена в низком подвальном помещении, куда почти не проникает дневной свет. Кухня находится в безобразном состоянии, вентиляци нет, плита дымит, отчего стены и потолок грязные. Коллектив столовой – три человека – работают в такой обстановке по десять и больше часов без оплаты за сверхурочные»⁷⁷.

Таким образом, тяжелейшие испытания войны заставили городские власти и администрацию предприятий принимать усиленные меры для организации пищевого конвейера. Развитие подсобных хозяйств предприятий, помощь пригородным колхозам и совхозам, тесные связи с районами-поставщиками продовольствия позволили значительно смягчить продовольственные затруднения. Однако для того, чтобы тиски голода окончательно разжались, людям пришлось во многом полагаться на собственные силы. Кроме тяжелейшей трудовой нагрузки на заводах и в учреждениях города они должны были обеспечить себя продуктами со своих собственных огородных делянок. При активной помощи государства и предприятий орудиями сельскохозяйственного труда, удобрениями и посадочным материалом собственное вспомогательное хозяйство было создано подавляющим большинством тагильчан. Все эти меры позволили людям не просто выжить, но и найти силы для создания оружия, которым была спасена наша страна, вся мировая цивилизация. Великая цель – победа над чудовищными силами фашистского уничтожения – и любовь к родной земле заставляла людей мириться с тяготами военного быта, закрывать глаза на несправедливости су-

ществовавшего политического режима.

Примечания:

¹ Запись беседы И.В.Татауровой с И.П.Русиновым. Архив автора.

² Чернявский У.Г. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.). М., 1964. С. 79.

³ Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. В 2 ч. М., 1991. Ч. 2. С. 472–473.

⁴ Берг П.А. Воспоминания о давно прожитом (избранные страницы) // Жертвы репрессий. Нижний Тагил в 1920–80-е годы. Екатеринбург, 1999. С. 179.

⁵ Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е – начало 50-х гг. Ч. 2. Нижний Тагил, 1996. С. 32; Фахретденова А.Х. Реликвии военных лет // Музей горнозаводского дела. Нижний Тагил. Екатеринбург, 1995. С. 162.

⁶ Докладная записка в Совнарком РСФСР о снабжении эвакуированного населения в Свердловской области. Март 1942 г. // Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Т. 2. Екатеринбург, 2000. С. 193.

⁷ Слободин К.М. Танк на постаменте. М., 1968. С. 17; ХПЗ – Завод имени Малышева 1895–1995: Краткая история развития. Харьков, 1995. С. 259.

⁸ Максарёв Ю.Е. Каждый день – эшелон танков // Война. Народ. Победа, 1941–1945. Статьи. Очерки. Воспоминания. 2-е изд. М., 1984. Кн. 3. С. 129.

⁹ Поспелова А. Снаряды и... картины // След на земле. Кн. 2. Екатеринбург, 2000. С. 156.

¹⁰ Шарунова Ф.В. Женщина у горна домны // В строю гигантов. Свердловск, 1966. С. 35.

¹¹ Строки из писем // Мы приближали Победу: Очерки. Воспоминания. Письма. Екатеринбург, 2000. С. 412.

¹² Пернач Н.А. Дела комсомольские // Т-34: путь к победе. Воспоминания танкостроителей и танкистов. Киев, 1989. С. 156.

¹³ Печеницына К. Мое поколение // Горный край. 2000. 6 мая.

¹⁴ «...Колхозная торговля превратилась в рыночную спекулятивную торговлю». Секретарю Свердловского обкома ВКП(б) В.М.Андреанову от члена Свердловского обкома ВКП(б) Федоровой. 25 ноября 1941

г. // Урал. XX век. Екатеринбург, 1997. С. 370.

¹⁵ Докладная записка в Совнарком РСФСР о снабжении эвакуированного населения... С. 193.

¹⁶ Котляр П.Х. Станкозаводцы делают танки // Т-34: путь к Победе. С. 151.

¹⁷ Воспоминания Н.И.Манакова. Архив автора.

¹⁸ Хайдукова (Кудряшова) Н. Про вещи сон и орден в шестнадцать // Горный край. 2000. 6 мая.

¹⁹ Косаревская-Распопова З.А. Причастность // Т-34: путь к победе. С. 188.

²⁰ Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. 70. Оп. 2. Д. 499. Л. 138 об. Ещё более впечатляет тот факт, что только 414 подростков имели возраст от 12 до 15 лет (причём не все из них работали), а остальные были ещё младше. Это значит, что на производстве можно было встретить детей до 12 лет!

²¹ Воспоминания Н.И.Манакова. Архив автора.

²² Чернявский У.Г. Война и продовольствие. М., 1964. С. 83.

²³ Мезенин Н.А. Жизнь все равно продолжалась. Из дневника уральского школьника // Горный край. 2000. 6 мая.

²⁴ Запись беседы О.А.Вакуленко с И.И.Перевозчиковым. Архив автора.

²⁵ Шантин Г. Штрихи из жизни города // Мы приближали победу: Очерки. Воспоминания. Письма. Екатеринбург, 2000. С. 377–378. Следует отметить, что повышенное содержание влаги в хлебе закладывалось уже на хлебозаводах. Известны случаи, когда за новые технологии выпечки хлеба, обеспечивающие повышенную влажность хлеба и экономию дефицитной муки, работники этих предприятий получали ордена.

²⁶ Липовская М.Н. Молодежь – фронту // Т-34: путь к победе. С. 163.

²⁷ Николашина М.М. Завод – судьба моя // Т-34: путь к победе. С. 193.

²⁸ Запись беседы А.В.Мельниковой с Р.С.Сидоровой (Буториной). Архив автора.

²⁹ Фельдман М.А. Деятельность партийных организаций Урала по улучшению материально-бытового положения рабочих в третьей пятилетке (1938 – июнь 1941) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). Свердловск, 1981. С. 24; Козлов Г.А. Нижний Тагил в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. (записки инженера). Рукопись; Тагильский рабочий. 1944. 21 мая. По данным горисполкома, в 1943 г. шесть пригородных колхозов, два совхоза и 238 подсобных хозяйств располагали посевами в 18 063 га, в том числе 6 765 га под картофелем и овощами. 112 865 индивидуальных посевщиков располагали 5 640 га посевов картофеля и овощей (См.: НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 499. Л. 45).

³⁰ Дижур Б. Под землей и на земле // Нижний Тагил. Свердловск, 1945. С. 144.

³¹ Тагильский рабочий. 1943. 2 июня.

³² Петрова А. Источник дополнительного питания // Тагильский рабочий. 1944. 3 сентября; Васютинский В.Ф. Хранители «старого соболя»: История трудового коллектива Нижнетагильского металлургического комбината. Свердловск, 1990. С. 185; Поспелова А. Снаряды и... картины // След на земле. Кн. 2. Екатеринбург, 2000. С. 156.

³³ НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 499. Л. 49.

³⁴ Сперанский А.В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Екатеринбург, 1996. С. 90–91; Мезенин Н. А жизнь все равно продолжалась. Из дневника уральского школьника // Горный край. 2000. 6 мая.

³⁵ Кайгородов Ю. Битва за хлеб насущный // Горный край. 2000. 6 мая.

³⁶ Попова А. При свете чадающей коптилки // Мы приближали победу: Очерки. Воспоминания. Письма. Екатеринбург, 2000. С. 283–284.

³⁷ Козлов Г.А. Нижний Тагил в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. (записки инженера). Рукопись.

³⁸ НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 499. Л. 45 об.; Промышленность СССР: Статистический сборник. М., 1957. С. 373; Антуфьев А.А. Материальное благосостояние рабочего класса Урала в годы Великой Отечественной войны // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). Свердловск, 1981. С. 100; Кайгородов Ю. Указ соч. С. 7.

³⁹ Записи бесед Э.В.Шаповой, А.М.Олешковой и И.В.Татауровой с Е.Л.Зыковой, К.М.Олешковой (Данилушкиной) и И.П.Рушиновым. Архив автора.

⁴⁰ Воспоминания Н.И.Манакова. Архив автора.

⁴¹ Воспоминания М.Н.Манаковой. Архив автора.

⁴² Тагильский рабочий. 1944. 4 июня.

⁴³ Печеницына К. Указ соч. С. 5.

⁴⁴ Рассчитано по данным: Козлов Г.А. Нижний Тагил в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. (записки инженера). Рукопись; Рождественская К. Летопись Нижнего Тагила // Нижний Тагил. Свердловск, 1945. С. 237. Это было больше, чем в других городах Среднего Урала. По данным М.Н.Денисевича, каждый огородник Каменск-Уральского получил в 1945 г. по 615 кг картофеля и овощей, а Свердловска – всего по 305 кг. См.: Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург, 1991. С. 88.

⁴⁵ НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 499. Л. 45. О разделении труда между ОРСаами и индивидуальными огородниками в выращивании картофеля и овощей см.: Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М., 1973. С. 367.

⁴⁶ Кайгородов Ю. Указ соч. С. 7.

⁴⁷ Информация Нижнетагильского ГК ВКП(б) в обком ВКП(б) об индивидуальном огородничестве в городе. 23 апреля 1943 г. // Все для фронта! Свердловская областная организация КПСС в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Документы и материалы. Свердловск, 1985. С. 298; НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 272. Л. 42–43.

⁴⁸ Верхорубов. Как мы подготовились к севу на индивидуальных огородах // Тагильский рабочий. 1944. 21 мая.

⁴⁹ О продаже соли для индивидуальных огородников // Тагильский рабочий. 1943. 5 сентября.

⁵⁰ Рассчитано по данным: Информация Нижнетагильского ГК ВКП(б) в обком ВКП(б) об индивидуальном огородничестве в городе. 23 апреля 1943 г. С. 297–298; НТГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 272. Л. 42; Тагильский рабочий. 1943. 3 апреля.

⁵¹ Литвинова М. Его линия фронта // След на земле. Кн. 2. Екатеринбург, 2000. С. 17; НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 499. Л. 44 об., 45 об.

⁵² Боташева Е. Успехи тагильских мичуринцев // Тагильский рабочий. 1944. 23 апреля.

⁵³ Воспоминания М.Н.Манаковой. Архив автора.

⁵⁴ Запись беседы О.А.Шарик с Н.Г.Шакун. Архив автора.

⁵⁵ Козлов Г.А. Нижний Тагил в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. (записки инженера). Рукопись. Эта ситуация была типичной для Среднего и Западного Урала. За 1941–1944 гг. по Свердловской и Пермской областям число свиней в подсобных хозяйствах рабочих и служащих сократилось в 6,9 раза (с 28,1 до 4,1 тыс. голов). См.: Антуфьев А.А. Материальное благосостояние рабочего класса Урала в годы Великой Отечественной войны // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). Свердловск, 1981. С. 91.

⁵⁶ Тагильский рабочий. 1943. 10 июля.

⁵⁷ НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 70. Л. 49; Д. 499. Л. 106 об.

⁵⁸ Козлов Г.А. Нижний Тагил в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. (записки инженера). Рукопись.

⁵⁹ Воспоминания М.Н. и Н.И. Манаковых. Архив автора.

⁶⁰ Докладная записка в Совнарком РСФСР о снабжении эвакуированного населения в Свердловской области. Март 1942 г. // Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Т. 2. Екатеринбург, 2000. С. 193.

⁶¹ Запись беседы Э.В.Шаповой с Е.Л.Зыковой. Архив автора.

⁶² Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 228; Мотревич В.П. Материальное положение колхозников Среднего Урала в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). Свердловск, 1981. С. 65; Трифонов А.Н. Колхозная торговля на Урале в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). Свердловск, 1981. С. 75–76.

⁶³ Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург, 1991. С. 179–181.

⁶⁴ Рассчитано по данным: Денисевич М.Н. Указ соч. С. 91, 179–180. При отсутствии данных по Нижнему Тагилу использовался показатель средней цены по городам Урала.

⁶⁵ Рассчитано по данным: Бокарев Ю. Власть и преступность в России. От второй мировой войны до послевоенного восстановления // Россия XXI. 1994. № 3. С. 85 и табл. 4.

⁶⁶ Трифонов А.Н. Колхозная торговля на Урале в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). Свердловск, 1981. С. 80.

⁶⁷ Воспоминания Н.И.Манакова. Архив автора.

⁶⁸ Шантин Г. Указ соч. С. 384–385.

⁶⁹ Берг П.А. Указ соч. С. 190–191.

⁷⁰ Воспоминания М.Н.Манаковой. Архив автора; Мы приближали Победу: Очерки. Воспоминания. Письма. Екатеринбург, 2000. С. 430. Ф.Шкарин вспоминал, что «всех задержанных отправляли в воинские части, которые после непродолжительной подготовки отправлялись на фронт».

⁷¹ Ермаков И. Удивительный вопрос // Тагильский рабочий. 1943. 29 мая.

⁷² Воспоминания Н.И.Манакова. Архив автора.

⁷³ НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 499. Л. 16, 49; Козлов Г.А. Нижний Тагил в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. (записки инженера). Рукопись; Айрапетов В.Г., Панфилов С.П. Материально-бытовое положение трудящихся черной металлургии Урала (июнь 1941 – 1945) // Из истории социалистического строительства на Урале. Вып. 4. Свердловск, 1976. С. 69.

⁷⁴ Слободин К.М. Танк на постаменте. М., 1968. С. 101; Козлов Г.А. Нижний Тагил в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. (записки инженера). Рукопись; Увеличить время работы столовых // Тагильский рабочий. 1942. 18 июня; Парусов И. В цеховой столовой // Тагильский рабочий. 1944. 8 декабря.

⁷⁵ Матвеев. Нет борьбы за качество питания // Тагильский рабочий. 1944. 5 апреля.

⁷⁶ Костин. Улучшить условия труда // Тагильский рабочий. 1944. 9 августа.

⁷⁷ Тагильский рабочий. 1944. 30 сентября.

